

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
Кафедра русской и зарубежной литературы

РЕКОМЕНДОВАНО К ЗАЩИТЕ
В ГЭК И ПРОВЕРЕНО НА ОБЪЕМ
ЗАИМСТВОВАНИЯ

Заведующий кафедрой
д-р филол. наук, профессор

Рогачева Н.А

23.06.2019 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
магистра

ДИСКУРС ВОЙНЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920-Х ГГ.: «КОНАРМИЯ»
И. БАБЕЛЯ И «РАЗГРОМ» А. ФАДЕЕВА НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ
ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

45.04.01. Филология

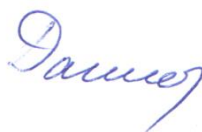
Магистерская программа «Русский язык и русская литература
для иностранцев»

Выполнил работу
Студент 2 курса
очной формы обучения

Куприн
Анатолий
Сергеевич

Научный руководитель
д-р филол. наук, профессор

Данилина
Галина
Ивановна

Рецензент
д-р филол. наук, заведующий
кафедрой русской и
зарубежной литературы

Рогачева
Наталья
Александровна

Тюмень
2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ДИСКУРС ВОЙНЫ В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ И. БАБЕЛЯ «КОНАРМИЯ» И РОМАНЕ А. ФАДЕЕВА «РАЗГРОМ».....	7
1.1. Подходы к изучению дискурса войны.....	7
1.2. «Конармия» и «разгром» в литературоведении.....	12
1.3. Экстралингвистический контекст действия.....	18
1.4. Конфликт и система персонажей.....	19
1.5. Мотивная и символическая структура.....	31
1.6. Структура наррации и хронотоп.....	36
1.7. Картина мира и модусы художественности.....	39
ВЫВОДЫ.....	44
ГЛАВА 2. «КОНАРМИЯ» И. БАБЕЛЯ В ПРЕПОДАВАНИИ РКИ.....	47
2.1. Возможности и проблемы изучения «конармии» в иностранной аудитории.....	47
2.2. Методическая разработка урока «Гражданская война в русской литературе. Исаак Бабель».....	49
2.3. Конспекты и материалы урока.....	52
ВЫВОДЫ.....	73
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	74
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	76
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	82

ВВЕДЕНИЕ

Термин «дискурс» имеет весьма широкое поле толкований в зависимости от сферы гуманитарного знания, в которой его используют. В данной работе дискурс понимается как «Интертекстуальное коммуникативное пространство, полевая структура, ограниченная регулятивными границами социокультурных практик» [Тюпа 2011].

Дискурс войны как возникающей «пограничной ситуации» [Ясперс 2013, 204], которая влияет на жизнь всего общества, формируется в любом языке и культуре. Он представлен уже в самых ранних памятниках словесности различных народов: «Бхагавадгита», «Илиада», «Искусство войны» и т.д.

Такие события, как Гражданская, Первая и Вторая мировая война оказали такое сильное влияние на культуру народов России, что без освоения информации об этих событиях невозможна адекватная коммуникация в русскоязычном пространстве. Самый простой пример: для современного русского языка слова «красный» и «белый» имеют не только значение «наименование цветов», но и значение «наименование сторонников противоборствующих сил в Гражданской войне».

Несмотря на временную дистанцию, многие аспекты этих ключевых для русской истории событий продолжают вызывать на всех уровнях российского общества споры и разногласия, что с позиции теории коммуникации является «помехами» в общении. Поэтому познание этих периодов истории через знакомство с русской литературой 1920-х гг. представляется продуктивным. Именно в пространстве художественного произведения возможно столкновение точек зрения, противостояние повествовательных инстанций и стоящих за ними этических принципов без разрушения структуры и связности текста.

Сборник рассказов «Конармия» Исаака Бабеля является примером текста, в котором рассказы объединяет принцип многоголосия героев с идеологическими, национальными и языковыми различиями. Категории советский-антисоветский, которыми оперировали ранние критики «Конармии», неприменимы циклу рассказов, в котором неоднозначность точки зрения является принципом организации художественного целого. Эти факторы позволяют использовать цикл рассказов «Конармия» в РКИ с позиций лингвострановедения, межкультурной коммуникации с задействованием широкого перечня компетенций иностранных обучающихся.

В романе «Разгром» представлен более однозначный и повествовательно цельный взгляд на Гражданскую войну, который может быть интересен с точки зрения изучения речи и мышления одной из воюющих сторон.

Актуальность темы заключается в возможности работы с дискурсом войны как важнейшим аспектом национальной литературы; в изучении дискурса войны в современной практике преподавания РКИ в лингвострановедческом аспекте.

Цель исследования — изучить дискурс войны в сборнике рассказов «Конармия» и романе «Разгром».

Для решения цели были поставлены **задачи**:

- 1) рассмотреть подходы к изучению дискурса войны;
- 2) изучить подходы к исследованию «Конармии» и «Разгрома»;
- 3) проанализировать дискурс войны в произведениях «Конармия» и «Разгром»;
- 4) выявить потенциал исследуемых текстов в преподавании РКИ;
- 5) разработать дидактические материалы на основе урока «Аналитическое и комментирующее чтение рассказа».

Объект исследования — дискурс войны.

Предмет исследования — дискурс войны в сборнике рассказов И. Э. Бабеля «Конармия» и романе А.А. Фадеева «Разгром».

Материал исследования — цикл рассказов «Конармия» и сопутствующие тексты («Дополнения к Конармии», «Статьи из газеты «Красный Кавалерист», «Дневник 1920 года», «Планы и наброски к «Конармии») [Бабель 2017]; роман «Разгром» [Фадеев 1987].

Новизна работы обусловлена изучением дискурса войны в сборнике «Конармия» и романе «Разгром» с позиции дискурсивного, нарратологического и компаративного анализа, разработкой дидактических материалов для преподавания РКИ.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования данной работы при проведении уроков по РКИ и уроков литературы для русскоязычной аудитории.

Структура работы. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографического списка и приложения.

В первой главе рассматриваются подходы к изучению дискурса войны и основные признаки этого дискурса.

Во второй главе изучаются подходы к изучению «Конармии» и «Разгрома» в литературоведческих исследованиях.

В третьей главе анализируется дискурс войны в двух текстах, его особенности и структура.

В четвертой главе рассматриваются перспективы использования «Конармии» и «Разгрома» в практике преподавания РКИ, предлагаются методические разработки урока.

Методология исследования

В исследовании главную роль играют методы дискурсивного и нарратологического анализа. Используются концепции В.И. Тюпы об архитектонике текста, модусах художественности и нарративной картине мира [Тюпа 1987; 2001; 2009]. Также ключевую роль в исследовании играют представления В. Шмида о нарративности и её признаках, структуре наррации, модели коммуникативных уровней, орнаментальной прозе и орнаментальности как принципе [Шмид 2003]. В анализе мотивов используется методология мотивного анализа И.В. Силантьева [Силантьев 2004], схема мотива и мотивных групп А.Н.Веселовского [Веселовский 1989], их вариантов и инвариантов А.И. Белецкого [Белецкий 1964]. Концепция символа Ю. М. Лотмана [Лотман 1992].

При анализе потенциала текстов в практике преподавания РКИ использовались подходы к методике преподавания А. А. Акиншиной и О.Е. Каган [Акиншина, Каган 2002]. При методической разработке урока «Комментированное и аналитическое чтение художественного текста (рассказа)» использовался подход, разработанный коллективом авторов (Битехтина Н.Б. и др.) [Методическая мастерская 2012] к созданию и практической реализации урока такого типа.

ГЛАВА 1. ДИСКУРС ВОЙНЫ В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ «КОНАРМИЯ» И РОМАНЕ «РАЗГРОМ»

1.1. ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ДИСКУРСА ВОЙНЫ

Война как неизбежное и важное событие в истории общества представлена в самых ранних образцах фольклора любого народа (например, древнерусские былины о воинах-богатырях). Таким образом, интерес к теме войны как составляющей народной культуры сопровождал становление литературоведения как науки уже в рамках культурно-исторической школы в XIX веке.

Такой ключевой памятник древнерусской литературы, как «Слово о Полку Игореве», с середины XIX века привлекает внимание ученых (Огоновский, Потебня, Тихонравов и др.). В XX веке полностью сложился текстологический подход к изучению памятников древнерусской литературы, который акцентирует внимание на истории текста, соотношении первоначального текста (источника) и его вариантов, анализу самого источника в ряду схожих текстов. В работе академика Д.С. Лихачева «Слово о полку Игореве» и особенности русской средневековой литературы» [Лихачев 1962] характер средневековой литературной природы «Слова» показан через определение в тексте всеобщих принципов древнерусского искусства: эпическая тема, разрешаемая лирическими средствами; стиль и жанр «Слова» (сочетание плача и славы); высокая роль языческих элементов.

Психоаналитическое литературоведение рассматривает дискурс войны через концепции: «Оно», «танатос» [Красильников 2015; 2007]; «деструктивность» [Фромм 2014, С. 162-168]. С помощью механизма

сублимации автор текста о войне неизбежно реализует в произведении данные слои бессознательного и принципы работы психики. Р.Л. Красильников в монографии «Образ смерти в литературном произведении: модели и уровни анализа» рассматривает войну в свете «слова о смерти» в литературе, используя термины литературоведческой танатологии. Танатологический анализ на уровне хронотопа представлен в главе: «Пространственно-временной уровень (Хронотоп войны в творчестве Л.Н. Андреева)» [Красильников 2007, 102-116]. Война рассматривается как хронотоп, основанный на принципах танатоса и деструктивности, где психическая жизнь человека сужается до вопросов выживания и разрушения. Автор монографии показывает, что в творчестве Л. Андреева война прежде всего – личное переживание сумасшествия и ужаса, и триада «смерть-незнание-безумие» является основой переживания данного хронотопа.

Интертекстуальная природа дискурса войны открывает широкие возможности для сравнительного литературоведения. На примере ежегодника Российского союза германистов за 2015 год: «Литература и война: ситуация 1914-1918 годов» [Русская германистика 2015] можно посмотреть, как дискурс войны реализуется у различных немецкоязычных писателей и как его исследуют авторы статей.

В статье Л.Ю. Викторовой «Первая мировая война в музыкально-поэтическом произведении Б. Брехта «Легенда о мертвом солдате» (С. 66-73) видно, как с помощью приемов гротеска, конфликта между музыкой и текстом достигается эффект «отчуждения», важный для всего творчества Брехта. В данном произведении этот эффект призван высветить бессмысленность и абсурдность войны, её жертв.

В статье Г.Г. Ишимбаевой «Метафизика великой войны, или Грасс о Юнгере и Ремарке» (С. 93-101) через призму романа Гюнтера Грасса «Мое столетие» изучается взгляд на войну немецких писателей Эрнста Юнгера и

Эриха Марии Ремарка, что в конечном итоге помогает сформировать концепцию самого Грасса.

«В стальных грозах» Эрнста Юнгера имеет жизнеутверждающую тональность, героическую художественность. Герои с честью исполняют свой долг солдата, воина. Война предстаёт как загадочная, довлеющая над миром сила, а ситуации войны как величественное театральное действие.

«На западном фронте без перемен» выполнено в минорной тональности. Война предстаёт как гибель, трагедия целого поколения. Герои на войне теряют человечность, превращаются в «полулюдей-полуживотных».

Несмотря на образно-эмоциональное различие восприятий войны у Юнгера и Ремарка, автор «Моего столетия» снимает эти противоречия. Оба писателя вспоминают одинаковые детали фронтовых будней, одинаково относятся к настоящему и оценивают будущее. Оппозиция между этими произведениями сгладилась в современном мире потребления. Автор статьи делает вывод, что Грасс сталкивает двух писателей как персонажей в 1965 году, чтобы через связь прошлого, настоящего и будущего показать метафизику войны как универсальной константы бытия.

В статье В.В. Котелевской «Война как опыт катастрофического и его «логико-философское» преодоление: дневники Л. Витгенштейна 1914-1916 гг.» (С. 101-109) автор показывает, что война для австрийского философа осмысливается как экзистенциальный факт, опыт катастрофического, который преодолевается построением логического «каркаса» мира. Прошедший через опыт войны Витгенштейн переосмысливает тему самоубийства и смерти на страницах своих дневников. Через познание смерти философу открывается смысл жизни, который невозможно закрепить в знаках языка.

В статье Е.В. Москвиной «Война глазами Вальтера Хайнманна (на материале сборника *Kriegsgedichte*, 1915, и писем *Feldpostriefe*, 1922)» (С. 135-143) автор показывает, как в текстах поэта война раскалывает изображаемый мир на полюса «свое-чужое». «Чужое» реализуется через образ абстрактного,

невидимого врага без отрицательной коннотации. «Своё» связано с мифологизированным образом Германии, мотивом защиты родины. «Космос своего» формируется через использование топонимов, образов народной культуры, образов дерева, дома. Разлом мира по линии «фронт-тыл» определяет категорию долга: воин несёт ответственность за близких, которые ждут дома. Война для поэта, несмотря на все её невзгоды – испытание силы духа и горнило будущего счастья.

В статье Г.В. Стадникова «Травма как синоним войны в романе Гриммельсгаузена «Симплициссимус» и дилогии Ремарка «На Западном фронте без перемен и «Возвращение» (С. 193-199) сопоставляются тексты о Первой мировой и Тридцатилетней войне. В романе Гриммельсгаузена герой, вступивший в повествование с чистой душой (концепция *Tabula Rasa*), на войне начинает претерпевать изменения. Поступки Симплициссимуса начинают отражать внешнюю среду, логику войны. В конце романа становится ясно, что нет надежды на нравственное исцеление как мира, так и героя. В романах Ремарка пагубное влияние пространства войны живо осознаётся героями. Это деградация до крайне ограниченного, примитивного состояния сознания, стирающего плоды цивилизации и культуры. Война предстаёт опасной неизлечимой болезнью, которая навсегда травмирует душу. Автор статьи делает вывод, что у обоих авторов образ войны схож, синонимы войны – травма, болезнь. При этом с большей остротой эту травму осознают герои романов XX века.

Сборник демонстрирует возможности исследования различных текстов об одном военном конфликте. Дискурс войны реализуется в различных жанрах и формах текста: стиха, мемуарной прозы, романа, рассказа, дневника, письма.

В исследованиях представлена возможность использования теоретического аппарата научных дисциплин: музыковедения, философии, психологии, религиоведения, политологии.

Принципы дискурса войны в литературном произведении:

Принципы реализации в художественном произведении дискурса войны строятся вокруг сути войны как явления, которое разрушает привычный мир человека, угрожает основам его существования. Дискурс войны усиливает дихотомию изображаемого мира, обостряет противопоставление персонажей, хронотопов, точек зрения, картин мира.

Хронотоп войны строится вокруг пар дихотомических понятий: своя и вражеская территория, фронт и тыл, мирное и военное время. Для хронотопа войны характерно деформированное время, пространство, он деформирует также восприятие и сознание героев.

На уровне структуры и взаимодействия персонажей война всегда актуализирует предельные темы существования человека, от физического выживания до проблем нравственного выбора.

Отношения «Я» и «мира» войны выражается с помощью речи нарратора и речи персонажа. Эта модальность больше всего разнится от автора к автору; от прославления воинского долга до бунта против войны, от трансляции дискурса военной пропаганды до иронической дистанции от него.

1.2. «КОНАРМИЯ» И «РАЗГРОМ» В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Первый этап исследования «Конармии» характеризуется больше журнальной полемикой в свете вмешательства политики в литературу и литературоведение, чем изучением непосредственного своеобразия текста. Примером служит знаменитая заметка Буденного «Бабизм Бабеля из «Красной нови» в журнале «Октябрь» [Буденный 1924] за 1924 год и последующая полемика военачальника с Горьким и главой «Красной нови» А. Воронским. А. Воронский, как глава журнала, в котором печатались рассказы цикла, одним из первых составил очерк стилистических принципов писателя (физиологичность, борьба начал мечтателя и реалиста) в статье «Литературные силуэты: Бабель» [Воронский 1924]; наряду с анализом художественных принципов писателя, автору пришлось защищать текст и автора от упреков в лжи и клевете на Конармию.

Другие авторы характеризовали творчество Бабеля в категориях: «попутчик» революции [Лелевич 1923], «неправильно показавший революцию» (Л. Плоткин, Г. Горбачев), «клеветник на революцию» (В. Вешнев, П. Ионов, Н. Осинский). Однако не вся полемика проходила в рамках социологической школы, вульгарного социологизма, или критики идеологии автора. Виктор Шкловский в журнале «Леф» в 1924 году пишет статью «И. Бабебль (Критический романс)» [Шкловский 1924], где отстраняется от преждевременных суждений, но всё же даёт очерк художественных принципов творчества писателя: «Пафос был ему необходим», «...он одним голосом говорит и о звездах, и о триппере», «Умный Бабель умеет иронией, вовремя обозначенной, оправдать красоту своих вещей. Без этого было бы стыдно читать.», «Бабель пользуется двумя противоречиями, которые у него заменяют роль сюжета: 1) стиль и быт, 2) быт и автор». Помимо Шкловского, существовал ряд авторов, которые концентрировали внимание на эстетической значимости

текста (Д. Горбов, Г. А. Гуковский, И. Крути, А. Лежнев, П. И. Новицкий, Вяч. Полонский, В. Переверзев, В. Правдухин, Н. Степанов, Г. Якубовский). В 1928 году выходит сборник издательства Academia [И. Э. Бабель. Статьи и материалы 1928]. В этом сборнике Н. Степанов в статье «Новелла Бабеля» (С. 11-43) анализирует приёмы создания Бабелем короткого рассказа: орнаментальность, простота слога, гиперболизм стиля, «контраст лирического пейзажа и «запретного» материала». Павел Новицкий в статье «Бабель» (С. 44-71) выделяет такие стилистические приемы «писателя-живописца»: сочетание патетической, трагической риторики и иронического пафоса, четкий рисунок, сочная и пряная живопись (параллель с фламандской живописью), беспощадная физиологичность образа.

В 30-е годы, с разгоном большинства творческих объединений и повсеместным утверждением метода социалистического реализма, уже нельзя отметить крупных исследований, посвященных «Конармии». Авторы большинства работ в духе вульгарного социологизма сосредотачивают всё внимание на личности писателя как выразителя идеологии мелкобуржуазной интеллигенции (В. Перцов, Л. Плоткин). Так, с победой политики над эстетикой, заканчивается первый этап исследований «Конармии» в СССР.

Второй этап начинается с реабилитации Бабеля в 1954 году и связан в основном с историко-биографическими исследованиями творчества писателя (Г. Белая, И. Смирин, Ф. Левин, И. Эренбург и др.). В 1972 году выходит книга Ф. Левина «И. Бабель. Очерк творчества» [Левин 1972]. В работе автор ищет истоки творчества Бабеля через факты его биографии (еврейская среда детства, интерес к французской культуре в молодости, широкие познания в русской культуре, «уход в люди» после революции). В исследовании «Конармии» автор делает акцент на том, как изображаются бойцы и командиры Первой Конной в сравнении с реальными конармейцами 1920-х годов. Главного героя автор книги соотносит с биографическим автором и рассматривает через призму отношений

интеллигенции и революции. Натурализм цикла рассказов Левин также соотносит с «характером эпохи» ожесточенной классовой борьбы.

Третий этап начинается с конца перестройки и исчезновения ограничений на методы и темы исследований, что способствовало появлению как всесторонних исследований произведений, так и изучению отдельных аспектов творчества Бабеля.

Такие работы, как «Причина смерти – расстрел» С. Поварцова [Поварцов 1996], «Бабель и советская критика: самосохранение таланта» И. Сорокиной [Сорокина 1994] и др., которые полностью посвящены вопросам существования творца в условиях советской цензуры, просто не могли появиться в полноценном виде до 1990 года.

Интеграция, синтез знаний в современной науке способствуют появлению комплексных исследований одного объекта. В конце века выходит крупная монография «"Конармия" Исаака Бабеля» [Белая, Добренко, Есаулов 1993], комплексное исследование с анализом сопутствующих основному тексту документов.

В.В. Эйдинова в статье «О стиле Исаака Бабеля («Конармия»)» [Эйдинова 1997] рассматривает «сопричастную антиномичность» тенденций «чувства жизни» и «стихии разрушения» как структуру стиля, которая показывает процесс разрушения живой жизни. В «Конармии» через систему антиномий проявляется тема разорванности живого, целостного мира.

В XXI веке исследования «Конармии» как художественного целого продолжились. Ли Су Ен в работе «Поэтика циклов И.Э. Бабеля "Конармия" и "Одесские рассказы"» [Ли Су Ен 2005] рассматривает уже два цикла рассказов как целостное художественное явление. В диссертации делаются следующие выводы: Бабель создает антиутопию «светлого будущего», которое построено на смерти людей и тотальном разрушении старого. «Конармия» - повествование о настоящем, чья сила направлена на разрушение прошлого во имя фантастического будущего; «Настоящее» явлено в образе несущих смерть

красноармейцев; Автор выводит оппозицию «старого» и «нового» мира и мотив разрушения старого мира на уровень основных организующих принципов «Конармии».

Множество современных работ исследуют какой-то один аспект, эпизод, приём, что связано с усилением дифференциации в науке: Н.Кузина «О некоторых функциях повторов в «Конармии» И. Бабея» [Кузина 1999]; Ж. Хетени «Лавка вечности (К мотивной структуре рассказа «Гedaли» И.Бабея)» [Хетени 1999]; А.В. Подобрий «Образ луны в "Конармии" И. Бабея» [Подобрий 1997] и др.

Работы последнего времени также отмечены повышенным интересом к национальным и религиозным аспектам творчества писателя. Например, Е.В. Есаулов в монографии «Культурные подтексты поэтики Исаака Бабея» [Есаулов 2011] рассматривает творчество Бабея в контексте русской культуры. Ряд авторов (Я. Либерман, Д.Розенсон, М. Фридберг, Ш. Маркиш и др.) концентрируются уже на еврейских истоках творчества писателя.

Книга М.Я. Вайскопфа «Между огненных стен. Книга об Исааке Бабеле» [Вайскопф 2017] рассматривает как религиозно-национальные, так и общекультурные истоки творчества. Так, концентрацию событий бабелевского текста, тягу к настоящему времени автор связывает с иудейским принципом «стяжения» пути (кфицат дерех); расходящиеся версии сюжета с традицией различной трактовки правил талмуда и т.д.; проводится параллели между авторскими, общелитературными и библейскими персонажами и сюжетами.

У романа «Разгром» совершенно иная история исследования. Несмотря на включение романа в советский литературный «канон», на современном этапе значимых исследований романа и научных подходов не сложилось.

Первоначальный интерес к роману тесно связан с деятельностью автора как партийного функционера, члена РАПП и Союза писателей СССР. Большая часть работ, несмотря на принадлежность их авторов к оппозиционным литературным группам того времени, (Г. Лелевич, Г. Якубовский, Г. Горбачев, А. Вронский и

др.) выполнена в духе раннесоветского социологизма; в том числе и сам Фадеев озвучивает принципы создания «нового метода пролетарской литературы» в статьях и выступлениях: «Столбовая дорога пролетарской литературы» (1928), «За художника материалиста-диалектика» (1930), «Мой литературный опыт — начинающему автору» (1932) и т.д. [Фадеев 1971]. В частности, в работе 1932 года Фадеев указывает основную тему романа: «... Первая и основная мысль: в Гражданской войне происходит отбор человеческого материала, все враждебное сметается революцией, все не способное к настоящей революционной борьбе ... отсеивается, а все поднявшееся из подлинных корней революции ... закаляется, растет, развивается в этой борьбе. Происходит огромнейшая переделка людей...»

В период позднего СССР наиболее частым видом исследований были работы в жанре критико-библиографических очерков с позиций «умеренного» социологизма (Л. Киселева, В. Боборыкин, В. Озеров, А. Бушмин и др.). Одна из первых и наиболее значимых работ этого этапа — книга К. Зелинского «А.А. Фадеев (Критико-биографический очерк)» [Зелинский 1956], в которой не только рассматривается взаимодействие в творчестве писателя принципов революционного романтизма и социалистического реализма, но и критикуется «догматизм» в исследованиях предыдущей эпохи.

В постсоветский период наибольший интерес исследователей вызывают не художественные особенности непосредственно романа, а его отношение к формированию принципов и границ метода социалистического реализма; влияние идеологии на художественный текст. Большую роль в изучении романа как части советского литературного «канона» играют как зарубежные исследования: (Кларк К. «Советский роман: история как ритуал», Терц А. «Что такое социалистический реализм» (изд. 1988)), так и исследования на постсоветском пространстве: (Святославский А.В. «Социалистический реализм: проблемы веры и интерпретации», Ревякина А.А. «О социалистическом реализме», Ревякин А.И «Проблема типического в художественной литературе» и др.)

Как можно видеть, изучение этих двух текстов в нашей стране долгое время было искажено влиянием идеологии и политики государства. Анализ дискурса войны, осуществленный в данной научной работе, позволяет выявить как интертекстуальные аспекты дискурса войны, так и своеобразие литературного произведения.

Нарратологический подход подразумевает модель коммуникативных уровней, при которой конкретный читатель отделён рядом повествовательных инстанций от личности, а тем более идеологии биографического автора. Таким образом, наиболее близкими нам по подходу будут исследования формальной школы и комплексные исследования рубежа XX-XXI веков (с привлечением работ по отдельным аспектам произведений).

1.3. ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ДЕЙСТВИЯ

В литературном процессе 1920-х годов большое место занимают тексты о Гражданской Войне (1918-1922), которая захватила всю территорию бывшей Российской Империи и все слои общества.

На территории бывшей империи сложился вакуум власти. Формировались новые государства и политические союзы, обострились классовые, идеологические и национальные противоречия; в этих условиях размывались понятия военной науки: фронт и тыл, структура командования, военное и гражданское лицо и т.д.

Советско-польская война (Польский фронт) продолжалась с 1919 по 1921 год на территории западных окраин бывшей Российской Империи. В цикле «Конармия» речь идёт об участии в конфликте Первой конной армии во главе с Семёном Михайловичем Будённым в составе Юго-Западного фронта на Украине. На данной территории к маю 1920 года сложилась сложная расстановка относительно самостоятельных вооруженных формирований: Красная Армия, отряды Нестора Махно, части Украинской Народной Республики, Русская армия Врангеля. Регион соприкосновения бывших крупных империй (сперва Польши и Российской Империи, затем Российской Империи и Австро-Венгрии) отличался полиэтничным составом населения с различным вероисповеданием.

Действие романа «Разгром» происходит в противоположном географически регионе – дальневосточном Уссурийском крае. Это был последний очаг Гражданской войны, которая продолжалась до осени 1922 года. Вооруженные формирования на этой территории: японская армия и «белые» войска атамана Семенова и отряды Каппеля противостояли «красной» Народно-Революционной армии Дальневосточной республики (создана руководством РСФСР) и партизанским отрядам.

1.4. КОНФЛИКТ И СИСТЕМА ПЕРСОНАЖЕЙ

В исследуемых текстах конфликт разворачивается на нескольких взаимосвязанных уровнях [Коваленко 2001]. Можно выделить такие уровни: конфликт внутри художественного мира, главных героев («Разгром»), главного героя с миром и внутренний конфликт героя.

На формальном уровне в романе и цикле рассказов сталкиваются борцы за новую советскую власть и их противники. Точка зрения противников советской власти полноценно не представлена в текстах, враг существует или как противостоящая безликая сила, или как эпизодические персонажи.

В текстах враг изображается похожим образом, но в организации конфликта это выполняет разные функции. И в «Разгроме», и в «Конармии» враги на поле боя и вне его маркируются черным цветом: это черные рясы священников, военная форма солдат и офицеров:

В «Конармии» в рассказе «После боя» имеется описание отряда предателей: «... увидели мертвенную стену из *черных* мундиров и бледных лиц»; их командир есаул Яковлев описывается так: «...*черная* борода лежала на его груди, как икона на мертвеце».

В «Разгроме» в главе «XIV. Разведка Метелицы» впервые в романе можно увидеть подробный портрет врагов партизанского отряда: «Их было четверо, они играли в карты за столом, в глубине комнаты. По правую руку сидел маленький *старый попик* в прилизанных волосиках и юркий на глаз... четвертым из игравших – с лицом обрюзглым и бледным и с неподвижными ресницами, тот был в *черной* папахе и в бурке без погон...» В главе «XV. Три смерти» вражеский офицер выглядит как: «...*черный* человек с таким противно-спокойным, обрюзглым лицом, в неопрятной рыжеватой щетине», а поддерживающий белых житель: «Один был в *черной жилетке* и с несуразной, точно приплюснутой

головой в неровной проседи, – он сильно трясся и просил...». В главе «XVI. Трясина» так выглядит движение вражеского отряда: «Лошади, вытянувшие *черные головы*, и всадники, согнувшиеся над ними, показывались на мгновение на более светлом фоне неба и тотчас же *исчезали во тьме*, перевалив сюда, в низину.»

В «Конармии» символика черного цвета связана со смертью и умиранием противников нового мира, так как бинарная оппозиция конфликта организована по полюсам **Старое (умирающее, слабое) – Новое (зарождающееся, витальное)**. Поэтому в рассказе «Конкин» вражеский офицер именуется «старик», «дед». В рассказе «Эскадронный Трунов» толпу пленных поляков тоже олицетворяет «...худой и старый человек, с большими голыми костями на спине, с желтыми скулами и висячими усами».

В романе черный цвет больше связан с маркировкой врагов как стихийной силы, противостоящей отряду: «В конце августа японцы двинулись кверху... В железном упорстве их движения, несмотря на его медлительность, чувствовалась уверенная в себе, разумная и в то же время *слепая сила*.»

В «Разгроме» враги как совокупность персонажей не обладают идейно-концептуальным единством в рамках целого текста. Их роль в тексте скорее быть препятствием, испытанием для главных героев, преодолев которое становишься ближе к идеалу нового человека. Конфликт нового и старого мира есть и в романе, но он более имплицитен, с ориентацией на предполагаемого адресата с конкретной идеологической точкой зрения. Textoобразующей в романе является бинарная оппозиция **Частное (личное) – Общее (коллективное)**, что будет видно при анализе конфликта главных героев.

Можно говорить о Конармии и партизанском отряде Левинсона как **групповых персонажах**, так как можно выявить черты, которые присущи большинству персонажей и имеют значение для всего повествования.

Какие это черты? Витальность и презрение к смерти.

Первая категория означает высокую жизненную силу, жизнеспособность, стойкость:

В цикле рассказов полные жизненных сил офицеры и солдаты Конармии противопоставляются «ветхим» врагам нового мира. В рассказе «Начальник конзапаса» можно прочитать: «На огненном своем англо-арабе подскочил к крыльцу Дьяков, бывший цирковой атлет, а ныне начальник конзапаса — краснорожий, седоусый, в черном плаще...», «...он ловко снял с седла своё статное тело атлета.». В рассказе «Мой первый гусь»: «Савицкий, начдив шесть, встал, заведя меня, и я удивился красоте гигантского его тела. Он встал и пурпуром своих рейтуз, малиновой шапочкой, сбитой набок, орденами, вколоченными в грудь, разрезал избу пополам, как штандарт разрезает небо ... Длинные ноги его были похожи на девушек, закованных до плеч в блестящие ботфорты». В рассказе «Комбриг 2» можно увидеть, как новоназначенный комбриг Колесников внешне преображается после первого боя: «Он шел, опустив голову, и с томительной медленностью перебирал кривыми длинными ногами» — «...в посадке Колесникова я увидел властительное равнодушие татарского хана и распознал выучку прославленного Книги, своевольного Павличенки, пленительного Савицкого».

В романе «Разгром» бойцы изображаются не только как сильные и умелые воины, акцентируется их связь с трудом и мужественность: «В голосе Дубова было такое, что все головы, вздрогнув, повернулись к нему... Он протискался к столу и стал рядом с Морозкой, загородив Левинсона большой и грузной фигурой.», «Его (*Гончаренко*) большие узловатые *руки были жадны к работе*, исполняли ее, на первый взгляд, медленно, но на самом деле споро -каждое их движение было осмысленно и точно.», «Бакланов снял обе рубахи и стал полоскаться. Видно было, что он не боялся холодной воды. Тело у него было крепкое, плотное, смуглое, точно литое, а голова круглая и добрая, как у ребенка» и т.д.

Презрение смерти В «Конармии» проявляется по-разному. Оно оборачивается то героизмом, то презрением к жизни, жестокостью:

В рассказе «Эскадронный Трунов» командир сперва без колебаний убивает пленных, а потом погибает в героической схватке с воздушными машинами противника, чтобы дать возможность своим бойцам отступить.

В рассказе «Конкин» раненый политкомиссар рискует жизнью ради захвата вражеского штаба: «Помрем за кислый огурец и мировую революцию». Кончается всё погоней и убийством старого польского офицера, который уже сдался в плен.

В рассказе «Смерть Долгушова» смертельно раненый телефонист спокойно говорит: «—Я вот что —... —кончусь... понятно?», и затем: «—Патрон на меня надо стратить...».

В рассказе «Жизнеописание Павличенки, Матвея Родионыча» герой жестоко убивает своего бывшего барина Никитинского, и тем самым через собственную жестокость «познаёт жизнь»: «Я час его топтал или более часу, и за это время жизнь сполна узнал ... мне желательно жизнь узнать, какая она у нас есть...». «Судьба наша индейка, жисть наша копейка...» — говорит Матвей Родионыч барину до его убийства.

В «Разгроме» страх смерти преодолевается через необходимость защиты чего-то большего, чем отдельный человек: коллектива или общего дела.

Наиболее показательна глава «XV. Три смерти», в которой казнят эпизодического персонажа — бойца Метелицу: «Но вместе с тем все самое большое и важное из того, что он делал в жизни, он, сам того не замечая, *делал ради людей и для людей*, чтобы они смотрели на него, гордились и восхищались им и прославляли его.»

Этот эпизод как бы предвосхищает гибель главного героя Морозки в последней главе романа «XVII. Девятнадцать»: «Ему жаль было не того, что он умрет сейчас, то есть перестанет чувствовать, страдать и двигаться ... но он ясно

понял, что никогда не увидит ему залитой солнцем деревни и этих близких, дорогих людей, что ехали позади него. *Но он так ярко чувствовал их в себе, этих уставших, ничего неподозревающих, доверившихся ему людей, что в нем не зародилось мысли о какой-либо иной возможности для себя, кроме возможности еще предупредить их об опасности...»*

Двойственность дискурса персонажей «Конармии» отражает модель их поведения и мышления. В сборнике эта черта наиболее ярко выражена в таком виде организации вторичной наррации, как сказ. В рамках одного отрезка речи термины и реалии новой жизни, которые несёт революция, сосуществуют с самыми архаичными образами и словоформами. Жестокость и беззаконие мира и собственного существования воспринимаются героями или как нормативное поведение («Соль», «Измена»), или как сама суть жизни человека («Жизнеописание Павличенки, Матвея Родионыча»), или вовсе не осмысливаются.

В романе отсутствует вторичная наррация, а вместе с ней и акцентированная двойственность речи. Нарратор скорее сам «заражается» [Приводится по: Шмид 2003, 129] просторечной и народной речью персонажей вместо оформления её в сказовую форму повествования.

В Конармии как собирательном образе воплотилась двойственность адептов нового мира, сосуществование в их речи, сознании и поведении нового и самого дремучего, до цивилизационного. Отрицая реалии старого мира, в том числе порядок, законность и гуманизм, «нищие орды», объединенные волей вождей, несут будущую всемирную революцию.

В партизанском отряде также ценится героизм, удаль и жесткость ради общего дела. Однако в действиях бойцов меньше анархии «нищей орды», которая удерживается вместе только силой и мощью вождей. В «Разгроме» большую роль играет тема **организации народных масс**, которая связана с главным героем.

Главный герой романа Левинсон является командиром партизанского отряда. Он является **центральным персонажем** романа по нескольким причинам: высокая степень присутствия в большинстве глав, схождение идеологического уровня точки зрения персонажа с точкой зрения нарратора, близость к идеалу должного поведения.

В тексте его внешний вид: «Он был такой маленький, неказистый на вид - весь состоял из шапки, рыжей бороды да ичигов выше колен.», «... маленький человечек, в высоких ичигах и с рыжей, длинным клином, бородой, похожий на гнома...» противопоставлен внешности его могучих подчиненных: «...Метелица нравился ему за ту необыкновенную физическую цепкость, животную, жизненную силу, которая была в нем неиссякаемым ключом и которой самому Левинсону так не хватало... *Втайне он даже гордился тем, что управляет таким человеком.*», «Он был на редкость терпелив и настойчив, как старый таежный волк, у которого, *может быть, недостает уже зубов, но который властно водит за собой стаю* — непобедимой мудростью многих поколений.»

Особую роль в повествовании играет взгляд командира как признак превосходства моральной силы и мудрости в противовес силе физической: «...нездешние глаза Левинсона; глубокие и большие, как озера, они вбирали Морозку вместе с сапогами и видели в нем многое такое, что, может быть, и самому Морозке неизвестно.», «... глаза его похолодели, и под их жестким взглядом начхоз окончательно убедился, что вьюки — это точно пустяки.»

Несколько раз в тексте прямо говорится о Левинсоне как «направляющей, организующей силе». В главе «V. Мужики и "угольное племя"» Левинсон улаживает конфликт между партизанами и мужиками, направляет сход к нужному решению. В главе «VI. Левинсон» командир: «...подменил план Метелицы своим - более простым и осторожным. Но он сделал это так искусно и незаметно, что его новое предложение голосовалось как предложение Метелицы и всеми было принято.» В главе «VIII. Первый ход» он проверяет боеготовность отряда ложной вражеской атакой. Во всех этих эпизодах над

могучими главами отделений довлеет опыт и авторитет их внешне неказистого и «незаметного» командира.

Сознание Левинсона недоступно для других персонажей: «Да и никто в отряде не знал, что Левинсон может вообще колебаться: он ни с кем не делился своими мыслями и чувствами, преподносил уже готовые "да" или "нет"... вести за собой других людей можно, только указывая им на их слабости и подавляя, пряча от них свои.» Персональная точка зрения Левинсона также имеет наиболее закрытый характер: в тексте герой почти лишен рефлексии, длинных размышлений, в тексте существуют только обрывки сведений о его прошлом и личной жизни. В эпизодах с Левинсоном точка зрения тяготеет к нарраториальной.

При всей своей закрытости, Левинсон никогда не испытывает чувства одиночества. Только в момент максимального напряжения сил появляется некое отчуждение: «В эту минуту *он сам почувствовал себя силой, стоящей над отрядом.* Но он готов был идти и на это: он был убежден, что сила его правильная.»

Главный герой Морозка представляет рядового бойца отряда Левинсона. Если у Левинсона предикативную роль играет тема организации масс, то конфликт Морозки связан с темой **поиска жизненного пути**, преодолении своего несознательного, аффективного начала.

До появления в изображаемом мире «... Морозка не искал новых дорог, а шел старыми, уже выверенными тропами.» Размышления о пути появляются перед любым недостойным поступком: кражей дынь: «...жизнь становится хитрей, старые сучанские тропы зарастают, приходится самому выбирать дорогу.», дракой с сослуживцем в главе с показательным названием «XII. Пути-дороги»: «Морозке казалось теперь, что он всю жизнь всеми силами старался попасть на ту, казавшуюся ему прямой, ясной и правильной, дорогу, по которой шли такие люди, как Левинсон, Бакланов, Дубов...», после пьяного дебоша:

«...эта темь, судьба, что поджидала его за околицей, – казались ему справедливой карой за все, что он совершил в жизни.»

«Поиск пути» завершается героической смертью ради товарищей также в топосе дороги, и в картине мира, присущей роману, означает преодоление персонажем отчуждения и обретение должного существования.

Главный герой Мечик как персонаж противоположен Левинсону, его поведение столь же детерминировано картиной мира романа (см. «нарративная картина мира»). Если Левинсон пример изначально должного поведения, то Мечик изначально чужд изображаемому миру и его идеалам. Конфликт Мечика связан с темой **отношения воображаемого и реального**. Мечик находится в постоянной рефлексии, фантазиях о себе и других персонажах (то есть в пространстве **личного** восприятия), что отделяет его от реальной жизни **коллектива**: «...все, о чем думал Мечик, было не настоящее, а такое, каким он хотел бы все видеть.», и является признаком эгоизма героя, который максимально проявляется в главе «XVII. Девятнадцать»: «...больше всего на свете он любил все-таки самого себя...».

С самого прибытия в отряд в главе «IX. Мечик в отряде» создалась ситуация отчуждения персонажа: «И с этих пор кипучая жизнь отряда пошла мимо Мечика. Он не видел главных пружин отрядного механизма и не чувствовал необходимости всего, что делается. В таком *отчуждении* потонули все его *мечты* о новой, смелой жизни...». В ключевой для конфликта персонажей главе «XIII. Груз» судьба Мечика как персонажа детерминируется речью центрального персонажа и речью нарратора: «"Экий *непроходимый* путаник", — думал потом Левинсон...», «...ленивые и безвольные люди, такой *никчемный* пустоцвет...», «В сущности, *все это время его занимала только одна мысль*, которая неизвестно, когда и откуда родилась в нем, но теперь *он неизменно возвращался к ней*, о чем бы ни думал ... Мысль эта сводилась к тому, чтобы *тем или иным путем, но как можно скорее уйти из отряда.*»

Частью конфликта частного и общего в романе выступает тема **одинокости**. Левинсон наименее оторван от других персонажей, Морозка только после эпизодов «отступления от пути», отчуждение Мечика же непреодолимо и тотально.

В сборнике рассказов «Конармия» **Главный герой** Лютов является главным действующим персонажем только в некоторых рассказах. Что же делает его центральной фигурой сборника?

Помимо роли первичного нарратора в структуре наррации, Лютов является героем, в личности которого сталкивается оппозиция старого и нового, что порождает конфликт и событийность в тексте.

Лютов — сотрудник политотдела Конармии. Он видит энергию и силу Конармии как целого, героизм отдельных бойцов. Иногда герой и вовсе частично транслирует идеологическую позицию революционной пропаганды, например, в рассказе «Гедали».

В то же время Лютов, выросший в среде религиозных евреев, является знатоком иудейских текстов и традиций. Тора (ивр. учение, закон) содержит в себе заповеди и правила общественной жизни, представления о грехе и праведности. Лютов, в ситуации, когда: «...каждый каждого судит», в нескольких эпизодах пытается действовать хотя бы по законам военного времени: пишет рапорт об оскорблении религиозного чувства в рассказе «У Святого Валента», в рассказе «Эскадронный Трунов» отказывается «вымарать» из списка убитого пленного: «Троцкий, видно, не для тебя приказы пишет, Павел...»

Также Библия, особенно Новый Завет, делает определенный акцент на гуманизм и любовь к ближнему. Тут пролегает линия конфликта между героем и окружающим миром. В рассказе «Мой первый гусь» становится ясно: чтобы стать своим для бойцов Конармии, обрести единство с этим новым миром, надо совершить насилие, проявить жестокость: «...Испортить вы даму, самую чистенькую даму, тогда вам от бойцов ласка...». Казаки смеются, издеваются над Лютовым, но после убийства гуся (легко раскрывается имплицитное название

рассказа: «Моё первое убийство») проявляют благосклонность: «Парень нам подходящий». Убийством гуся дело и ограничилось, хотя история разворачивается как всё новые тематически эквивалентные ситуации: возможность убить раненого в рассказе «Смерть Долгушова», стать соучастником убийства пленных в рассказе «Эскадронный Трунов», убить врага в рассказе «После боя».

«Парией среди казаков» главный герой остался не только из-за фактической неспособности убить человека, но и из-за внутренней невозможности воспринимать жестокость и насилие как норму, что порождает уровень внутреннего конфликта: «...и только сердце мое, обогрелое убийством, скрипело и текло», «Я ... вымалывал у судьбы простейшее из умений – умение убить человека». В рассказе «Гедали» он словно убеждает не только собеседника, но и себя в неизбежно жестоком характере революции: «Она не может не стрелять, Гедали ... потому что она – революция...», «Его (Интернационал) кушают с порохом ... и приправляют лучшей кровью...»

Второстепенные персонажи, проявившие себя в нескольких рассказах «Конармии» или главах «Разгрома», выстраиваются в определённую систему относительно главного героя (героев):

В «Конармии» персонажи-«двойники» обладают похожими на главного героя чертами личности, тем или иным образом пытаются спасти или приспособить свой старый умирающий мир к реалиям мира нового, однако их судьба различна и не предопределяет судьбу Лютова. Пан Аполек создает свое «...укрытое от мира евангелие...»: рисует иконы и библейские сюжеты с гротескной жизненностью, святых с лицами ныне живущих людей, рассказывает свою еретическую историю о браке Иисуса и Деборы. Еврей Гедали мечтает об «Интернационале добрых людей», который будет связан с традиционной религиозностью: «Революция – скажем ей «да», но разве субботе мы скажем «нет»?». Хлебников «тихий человек, похожий на меня характером... Мы оба смотрели на мир как на луг в мае, как на луг, по которому ходят женщины и

кони.» пытается опираться на закон (резолюцию начштаба) в схватке за коня с начдивом Савицким. Сын рабби Илья, отказавшийся от прежней жизни ради революции, хранит в сундучке (Лютов тоже с сундучком) вещи из двух миров: «... мандаты агитатора и памятка еврейского поэта. Портреты Ленина и Маймонида лежали рядом ... на полях коммунистических листовок теснились кривые строки древнееврейских стихов.»

В «Конармии» персонажи-«антиподы», как абсолютные адепты нового мира, противопоставлены Лютову и похожим на него персонажам, часто в рамках одного рассказа. Если Лютов в рассказе «Мой первый гусь» переживает из-за убийства гуся, то начдив Савицкий в рамках этого же рассказа в письме угрожает подчиненному личной расправой за невыполнение приказа (а казнит он далеко не в первый раз); тот же начдив по личной прихоти не отдаёт лошадь Хлебникову в рассказе «История одной лошади». В рассказе «Смерть Долгушова» вместо главного героя раненого телефониста убивает Афонька Бида (который потом ещё порывается убить Лютова за малодушие), персонаж рассказов «Афонька Бида», «Путь в Броды» и «У Святого Валента». В рассказе «Эскадронный Трунов» Лютову противостоит жестокий и героически погибший эскадронный. В рассказе «После боя» казак Иван Акинфиев обвиняет Лютова в том, что он в бою «патронов не залаживал...»; в рассказе «Иваны» этот же Акинфиев угрожает убить за притворство симулирующего болезнь дьякона Ивана Аггеева, которого везёт на трибунал. История генерала «Жизнеописание Павличенки, Матвея Родионыча» идёт сразу после рассказа «Сашка Христос» и определенным образом противопоставлена ему: если Сашка не стал мстить отцу-обидчику, то красный генерал совершает свою месть.

В «Разгроме» персонажи-«двойники» главных героев выполняют предсказательную функцию: бегство из отряда старика Пики предваряет предательство близкого ему Мечика; в главе «XV. Три смерти» гибель бойца Метелицы и коня Морозки, которому приданы человеческие черты (даже через название этой главы) и отождествление с хозяином: «Был он крепок, мохнат,

рысист, *походил на хозяина*» предваряет героическую смерть Морозки в последней главе; подражающий Левинсону боец Бакланов вдохновляет своего командира и весь отряд к последнему испытанию романа – прорыву вражеского окружения.

В романе, из-за системы конфликта главных героев (Левинсон-Мечик-Морозка), второстепенные персонажи-«двойники» главных героев определенным образом повторяют противопоставление главных героев на своём уровне. Например, в главе «X. Начало разгрома» боец Гончаренко («двойник» Морозки) совершил лихой налёт на поезд, Бакланов («двойник» Левинсона) проявил выдержку и лидерские качества, а Пика («двойник» Мечика) трусость слепой стрельбой «по берёзам».

Эпизодические персонажи в «Конармии» часто имеют статус главного героя в рамках одного рассказа, который имеет форму сказа или пересказа первичным нарратором истории персонажа с интерференцией текста нарратора в текст персонажа: «Письмо», «Солнце Италии», «Прищепа», «Конкин», «Соль», «Измена».

В «Разгроме» композиционно важными являются главы «XIV. Разведка Метелицы» и «XV. Три смерти», где точка зрения смещается от трёх главных персонажей к эпизодическому – бойцу Метелице. Здесь впервые появляются как отдельные персонажи бойцы враждебной стороны и их сторонники. Эти главы очень важны с точки зрения построения основного конфликта и мотивной структуры.

1.5. МОТИВНАЯ И СИМВОЛИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

Сюжетообразующие связи:

В «Разгроме» и «Конармии» имеются общие мотивы: **вражды и разрушения**. Самая значимая функция этой связки мотивов – предикативная (способность двигать сюжет).

Мотив вражды одной социальной группы с другой представлен тремя вариантами (три уровня): классовый, идеологический и национальный антагонизм.

В «Конармии» присутствует мотив взаимной ненависти с позиций классовой и идеологической борьбы: конармейцы занимаются выявлением и убийством врагов революции в рассказах «Соль» и «Измена»; шпионов: «Берестечко», «Костел в Новограде»; убийством помещика: «Жизнеописание Павличенки, Матвея Родионыча». Белые проявляют по отношению к красным такую же жестокость: родителей бойца в рассказе «Прищеп» убивают в контрразведке; отец убивает сына и называет его «красной собакой» в рассказе «Письмо». Внутри красной армии, как и внутри партизанского отряда Левинсона, также существуют классовые противоречия: казаки как профессиональные военные презирают набранную из крестьян пехоту, что видно по рассказам «Измена» и «Афонька Бида». На примере Лютова можно увидеть презрительное отношение и к интеллигенции: «Жалеете вы, очкастые, нашего брата, как кошка мышку...»

В «Конармии» вражда классовая и идеологическая часто переплетается с национальной. Когда бойцы говорят о «шляхте», они имеют в виду и поляков как нацию, и класс польской аристократии; местные крестьяне ненавидят польского пана: «Их сопящая мужицкая свирепость изумила даже буденновцев. Ненависть их к польскому помещику была построена из невидного, но добротного

материала»; «засилье» евреев в городе ассоциируется у конармейца со старыми царскими порядками: «...полно жидов, как при царском режиме».

Классовый антагонизм имеет ключевое значение в «Разгроме». Даже на уровне названия главы «V. Мужики и "угольное племя"» видно разделение персонажей на живущих за счёт земледелия мужиков и шахтеров, из которых состоит основная масса партизан. Подчеркивается городское происхождение «чистенького» Мечика и Чижика: «...в студенческой фуражке и чищенных сапогах...»; крестьянское происхождение Пика: «...– Я бы сейчас рыбу ловил... – задумчиво сказал Пика. – На пасеке...» и Кубрака: «...самый старший, самый заслуженный и самый неумный командир во всем уезде ... Кубрак был родом из Крыловки, и всякий понимал, что в нем говорят крыловские пашни, а не интересы дела.»

Вместе с тем это противопоставление несколько снимается в ключевой для этого мотива главе «XIII. Груз», где Морозка, Дубов и Гончаренко спорят о мужиках и «угольном племени»: «– Это я к тому, – пояснил Гончаренко, не давая Дубову опомниться, – что гордиться нам не нужно перед мужиком, хотя б и Морозке, – без мужика нам то-оже... - Он покачал головой и смолк; и, видимо, все, о чем говорил потом Дубов, не в состоянии было его разубедить.» В этой же главе проводятся параллели между социальным происхождением Левинсона и Мечика: «Но неужели и я когда-нибудь был такой или похожий?» – думал Левинсон, мысленно возвращаясь к Мечуку., «Он только и смог вспомнить старинную семейную фотографию, где тщедушный еврейский мальчик – в черной курточке, с большими наивными глазами – глядел с удивительным, недетским упорством в то место, откуда, как ему сказали тогда, должна была вылететь красивая птичка.»

Однозначные непримиримые враги отряда представлены только в одной главе с эпизодическим персонажем: православный священник, командир казаков и крестьянин-кулак.

Мотив разрушения предстаёт во множестве вариантов:

В «Конармии» этот мотив связан с разрушением старого мира. Разрушается старый уклад жизни и семья. В рассказах «Письмо», «Сашка Христос» конфликт между отцом и сыном доходит до убийства или угрозы убийством. В рассказе «Рабби» и «Сын рабби» сын раввина Илья уходит из традиционной еврейской среды сражаться за красных и гибнет. В рассказе «Прищепка» родителей бойца в родной деревне убивают белые, а потом сам Прищепка убивает соседей за мародерство. Герой рассказа «Жизнеописание Павличенки, Матвея Родионыча» убивает своего бывшего барина.

Разрушается физическое пространство старого мира. Целые поселения лежат в руинах или запустении: «Разрушенные и мертвенные Броды», «разрушенные костелы светятся на пригорках», «безжизненные еврейские местечки...», «... готический Сокаль, лежавший в синей пыли и непобедимом галицийском унынии». В рассказе «Берестечко» Лютов из разрушенного польского замка наблюдает митинг по поводу организации новой власти: «Местечко смердит в ожидании новой эры...», «Нет панов. Приступаю к выборам ревкома.». В рассказе «Переход через Збруч» еврейский дом находится в похожем состоянии: «Я нахожу развороченные шкафы ... и черепки сокровенной посуды, употребляющейся у евреев раз в году – на Пасху.», «Мертвый старик лежит там, закинувшись навзничь.».

В романе мотив разрушения также присутствует, но связан больше с разрушением привычной крестьянской жизни, запустением: «Над баштанами не чувствовалось заботливого хозяйского глаза: когда хозяин занят общественными делами, баштаны зарастают травой, сгнивает дедовский курень, пузатые дыни с трудом вызревают в духовитой полыни и пугало над баштанами похоже на сдыхающую птицу... Валялись какие-то тряпки, заржавленный обломок косы, сухие корки огурцов и дынь.», «...Да ведь нет пасеки-то... нет! А то б хорошо было... Тихо там, и пчела теперь тихая...»

Символы:

Система символов В «Разгроме» и «Конармии» представлена различным образом. В цикле рассказов система символов на новом уровне выражает бинарную оппозицию «старого» и «нового» мира; связывает разные планы текста (сюжетный, мифологический, исторический). В романе система символов намеренно носит более имплицитный характер, рассчитана на абстрактного читателя (предполагаемого адресата) с определённой идеологической подготовкой.

В «Конармии» от старого мира остались религиозные символы, в изображаемом мире почти лишённые сакрального значения. Бог как высшая реальность превратился в «отставного Бога», «истекающего кровью Бога»; видоизменились его отношения с человеком: «Бог от нас, холуев, ушился», «возился с Богом»;

В «Разгроме» причина нищеты человека возлагается в том числе на веру «...в злого и глупого бога.»

Конармия как сила нового мира несёт с собой символы коммунистического движения. В первую очередь это символика красного цвета: «красный герой», «газета Красный кавалерист», «красная армия», «красные орлы», «орден Красного Знамени» и т.д. Символическое значение «патриархов» революции имеют Троцкий, Ленин и Махно: «Карабкается в Ленины от анархизма», «таинственная кривая ленинской прямой», «Как присужденные каторжане вытягают они нас — Ленин и Троцкий — на вольную дорогу жизни...», «Взводный носил у нас прозвище «Махно», «махновский поход».

В «Разгроме» существует связанный с новым миром и новым «сильным и добрым» человеком идеал, ради которого претерпевают испытания герои: «...все, что приходится им переносить, даже смерть, *оправдано своей конечной целью...*», «...нужно бы было говорить о *чем-то другом, более основном и изначальном*, к чему он сам не без труда подошел в свое время и что вошло теперь в его плоть и кровь.»

В «Конармии» можно наблюдать сложное взаимодействие уровней символической структуры. В частности, символы коммунизма воспринимаются как символы религиозные. В «Разгроме» из-за схождения идеологического пласта точки зрения нарратора и центрального персонажа такого взаимодействия быть не может.

1.6. СТРУКТУРА НАРРАЦИИ И ХРОНОТОП

Структура наррации

Структура наррации связана с картиной мира и способом организации художественного целого. В связи с этим между двумя текстами имеются коренные расхождения. Общим может являться только связь глав в романе и отдельных рассказов цикла по принципу эквивалентности:

В «Конармии» по тематическому признаку рассказы связаны следующим образом: линия конфликта главного героя связывает рассказы «Мой первый гусь»—«Смерть Долгушова»—«Эскадронный Трунов»—«Замостье»; линии персонажей-«двойников» связывают рассказы «История одной лошади»—«Продолжение истории одной лошади», «Рабби»—«Сын Рабби» (тут роль играет и формальная эквивалентность) и «Сашка Христос»—«Песня». Оппозиция связывает соседние рассказы «Сашка Христос» и «Жизнеописание Павличенки, Матвея Родионыча».

В «Разгроме» по тематическому признаку в основном связаны главы с линией конфликта между главными героями. Оппозиция связывает главы «Морозка»—«Мечик»—«Левинсон». Линии конфликта Мечика и Морозки (VII. Враги), Морозки и Левинсона (V. Мужики и "угольное племя") в первой половине текста имеют меньшую значимость для повествования, чем непреодолимое противопоставление Левинсона и Мечика в главе (XIII. Груз). Линии персонажей-«двойников» связывают главы «Три смерти»—«Девятнадцать» и «Пути-дороги»—«Девятнадцать».

Структура наррации в «Конармии» на первый взгляд кажется неровной, мозаичной. Формальная хронология рассказов нарушается, повествование переходит от текста первичного нарратора к сказу или другим формам

существования «чужого слова». Рассказы связаны между собой в основном принципом эквивалентности.

Режимы повествования часто сменяют друг друга: недиегетический и диегетический нарратор, персональная и нарраториальная точка зрения. В семи рассказах инстанция вторичного нарратора имеет ключевое значение для повествования. Выраженность «Повествуемого Я» первичного нарратора смещается от главного героя (12) до одного из главных персонажей (6), до второстепенного персонажа (2), до почти не участвующего в истории очевидца-протагониста (7), и непричастного очевидца (сон в рассказе «Переход через Збруч») и даже непричастного нарратора (рассказ «Кладбище в Козине»).

Структура наррации в романе «Разгром» цельная. Хронотоп линейен и ограничен, формальная хронология не нарушается, как и режим повествования в виде текста первичного недиегетического нарратора. Колебания в режиме наррации связаны только с колебанием персональной и нарраториальной точек зрения на перцептивном и идеологическом уровне в зависимости от персонажа. Например, можно говорить о схождении персонажа Левинсона и нарратора на идеологическом уровне точки зрения, но отдаления на уровне перцепции; восприятие Мечика же нарратор воспроизводит до мелких деталей, отдаляясь на уровне идеологии.

Хронотоп

В текстах у хронотопа войны отсутствует традиционное деление на фронт и тыл, мирное и военное время [Красильников 2007]. Война хаотически проявляется «очагами» по всему месту действия и на всём временном промежутке. Эпизоды убийства пленных и безоружных, изъятия продовольствия, выявления шпионов и врагов – всё это проявления гражданской войны. Если в «Конармии» хронотоп войны, как и повествование, более хаотичен, то в «Разгrome» пространство войны окружает отряд постепенно, с линейной интенсификацией событий.

В цикле рассказов пространство войны четко делится на природное пространство равнины, где обитают «орды» Конармии и пространство «древних городов» Польши и Западной Украины. В романе важную роль играет связанное с человеком и его трудом (шахты, поля) пространство, которое приходит в запустение, как только «попадает» в хронотоп войны.

В текстах повествование тяготеет к настоящему времени. Единство пространства-времени в цикле рассказов обеспечивает главный герой, а в романе – первичный нарратор.

1.7. КАРТИНА МИРА И МОДУСЫ ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ

Нарративная картина мира

Ключевое различие текстов состоит в различных нарративных картинах мира.

Можно говорить об окказиональной (случайностной) нарративной картине мира в «Конармии» и императивной картине мира в «Разгроме».

В «Конармии» мир меняется только в результате активности персонажа (которая достигает цели или нет) или стечения обстоятельств вокруг.

В «Разгроме» любая активность персонажа оценивается с точки зрения должного и недолжного существования, поиска единственно верного пути через череду испытаний.

Разрешение основного конфликта в «Конармии» окказионально: Красной Армии как силе нового мира суждено победить Польшу, однако она терпит поражение.

С другой стороны, несмотря на название, в романе «Разгром» поиск пути к цели (даже на формальном уровне «спасения отряда как боевой единицы») завершился успехом и торжеством должного (коллективного, альтруистического) существования.

Конфликт главного героя «Конармии» окказионален: он всё-таки убил гуся, но не смог продвинуться дальше в уровне жестокости.

Конфликт главных героев «Разгрома» императивен: недостойные с точки зрения моноцентрического миропорядка терпят крах и выбывают из изображаемого мира (Мечик), достойные находят путь (Морозка) или изначально обладают должным существованием (Левинсон).

В «Конармии» персонажи взаимодействуют таким образом, что в войске конармейцев сила и личная инициатива играют ключевую роль. В нескольких рассказах один боец может угрожать оружием другому и даже стрелять в товарища (рассказ «Эскадронный Трунов»). Только благодаря воле командира и войско идёт в атаку в рассказе «Комбриг 2». Командир угрожает лично расстрелять не выполнившего приказ подчиненного в рассказе «Мой первый гусь». В рассказе «История одной лошади» один командир, как более сильная личность, отбирает у другого лошадь и не отдаёт даже после резолюции из штаба (он же разводит кровных лошадей, «...которых считали его собственностью» и в целом, вопреки новым порядкам, живёт в опале как помещик). Персонаж оказывается предателем или шпионом в рассказах «Афонька Бида», «Костел в Новограде».

В «Разгроме» определённое поведение в рамках строгой системы ценностей гарантирует уважение и статус среди бойцов. Отсюда стремление большинства бойцов сохранить лицо/честь/уважение: «Дубов полагал, что звание шахтера самое высокое и почетное, какое только может носить человек на земле. *Теперь он был уверен, что его взвод опозорил и себя, и Сучанский рудник, и все шахтерское племя, по крайней мере, до седьмого колена...* Ему стало еще горше от сознания, что он не оправдал доверия командира, не стал примером для других.», «... *(Морозка)* вспомнил вдруг, с омерзением и страхом, все свое вчерашнее недостойное поведение: он, пьяный, ходил по улицам, и все видели его, пьяного партизана, он орал на все село похабные песни ... *Что скажет Левинсон? И разве можно, на самом деле, показаться на глаза Гончаренке после такого дебоша?*»; отсюда же отсутствие у «недостойного» Мечика этого стремления: «...Хотелось говорить еще и еще, и *было уже совсем безразлично, как отнесется к этому Левинсон.*», «*Ему было все равно теперь, что о нем подумают, но по привычке он оправдывался.*», «...он слишком расстроен и возбужден, чтобы *следить за своими поступками.*»

Модусы художественности

На уровне художественного целого можно говорить о доминировании одного модуса в «Разгроме» и сосуществовании нескольких модусов в «Конармии».

В романе императивной картине мира и цельной структуре повествования сопутствует доминирование героического модуса художественности.

В цикле рассказов орнаментальность, окказиональная картина мира, формальная структура из множества отдельных рассказов позволяет сосуществовать нескольким модусам художественности.

В «Разгроме» героическое доминирует как способ присутствия «я» в мире как для большинства персонажей, так и для повествовательных инстанций более высокого уровня (нарратора и абстрактного автора). Поступки персонажей совпадают с заданными ролевыми границами и критериями должного существования, их личная судьба раскрывается в свете сверхличного содержания (судьбы коллектива, светлого будущего). Нарратор, используя в своей речи явные оценочные слова для персонажей и их поступков: «героизм, подлость», озвучивая «сверхличное» содержание этих поступков, также существует в героическом модусе.

В «Конармии» героика как субдоминанта отражает способ присутствия «я» в мире почти всех сказовых героев и вторичных нарраторов. Бойцы Конармии также существуют в полной гармонии с окружающим миром, их внутренняя жестокость отражает жестокость внешнюю, они горды исполнять свою роль «солдат революции».

В романе присутствует трагическая субдоминанта, которая в основном связана с персонажем Мечиком его героями-«двойниками». Внутренняя раздвоенность (как основной принцип трагического существования) [Тюпа 1987] у Мечика связана с несоответствием его фантазий и представлений изображаемому в романе миру, его поступков в мире и мыслей об этих

поступках. Изначальная невозможность соответствовать заданным ролевым критериям делает его принципиально виновным перед миром.

В цикле рассказов трагическая субдоминанта отведена Лютову и героям-«двойникам» Лютова. Раздвоенность тут заключается в колебаниях между старым и новым миром. Граница самоопределения этих персонажей шире ролевой границы, «лишний» груз культуры и гуманизма делает «Я» принципиально виновным перед миром.

В «Разгроме» в целом соблюдается патетическая серьезность отношения к миропорядку. Героика объединяет повествовательные инстанции нарратора и персонажей, обеспечивает цельную нарративную картину мира. Отсюда «заражение» речи нарратора речью персонажей, крайнее сближение идеологического уровня точек зрения некоторых персонажей и нарратора. Абстрактный автор как конструкционный принцип произведения выражает себя в построении цельного линейного повествования и устойчивого режима наррации в рамках всего текста, что необходимо для преобладания героического модуса.

В «Конармии» всё иначе. В цикле рассказов на уровне художественного целого можно говорить о противостоянии в тексте патетических и антипатетических начал. Героическая и трагическая субдоминанты на уровне художественного целого противостоят доминанте иронической. Ирония отделяет одну повествовательную инстанцию от другой, проводит границы между субдоминантами. Сказовые формы подразумевают ироническую дистанцию между первичным и вторичным нарратором (а это ограничивает героическую субдоминанту). Ирония в рамках первичной наррации пронизывает описание персонажей и ситуаций. Вместе с тем, с её помощью Повествующее «Я» дистанцируется от повествуемого «Я». Например, в рассказе «Мой первый гусь» модус существования главного героя и повествуемого «Я» трагичен, но повествуемое «Я» не лишено иронии: «Я ... подстерегал, ликуя, таинственную кривую ленинской прямой» (ограничение трагической субдоминанты).

За таким конгломератом модусов можно разглядеть абстрактного автора, который выступает как конструкционный принцип произведения. В «Конармии» сосуществуют эпизоды с различными видами наррации и точками зрения, а значит с разной ролью художественных доминант. Даже ирония на уровне всего текста не «снимает» значимость героической и трагической субдоминант. Она представляет ещё одну перспективу, но вместе с тем лишает и героизм, и трагизм (и соответствующие им отношения персонажей и мира) возможности для доминирующего значения в целом тексте.

ВЫВОДЫ

Дискурс войны в литературе 1920-х годов строится из общих принципов построения дискурса войны и особенностей, характерных для Гражданской войны:

Изображаемый мир Гражданской войны строится на жестком дихотомическом конфликте, который разделяет и разрушает его. Ультимативно противопоставляются воюющие и враждующие стороны, персонажи и группы персонажей; ассоциированные с той или иной стороной символы, пространства, тональности.

Хронотоп Гражданской войны хаотичен: отсутствует четкое деление на военных и гражданских, мирное и военное время, поле боя и тыл. Пространство войны деформировано, связано с мотивом разрушения как физического пространства, так и прошлого уклада жизни.

Структура персонажей и их взаимодействия крайне конфликтна. Тексты пронизывают непреодолимые в «век идеологий» классовые, национальные и идеологические разногласия и мотив вражды. Гражданская война ставит перед персонажами проблемы экзистенциального выбора: принятие нового мира с его «революционной жестокостью» или его отторжение и исчезновение с миром старым; действие или бездействие в ответ на проявления этой жестокости.

Как в текстах о любой войне, больше всего различий в дискурсе выявляется на уровне анализа художественного целого, отношений «Я» и «мира»:

Изображаемый мир «Конармии» неровен, мозаичен. Главный герой является центром конфликта (старого и нового), первичный нарратор определенным образом дистанцируется от персонажей и вторичных нарраторов, большую роль играет противостояние патетических и антипатетических начал и

сложное взаимодействие модусов художественности, за которым видно принципы функционирования абстрактного автора.

Изображаемый мир «Разгрома» целен, моноцентричен. Персонажи выстраиваются относительно одного из полюсов конфликта (коллективное, альтруистическое) с позиций должного существования. Точка зрения нарратора на идеологическом уровне имеет сходение с точкой зрения центрального персонажа, речь нарратора «заражается» речью персонажей и на уровне лексических средств. В тексте доминирующее положение, которое обеспечивает также цельная структура повествования, занимает героический модус художественности.

Выявление этих особенностей дискурса войны в литературе 1920-х годов позволяет при обучении иностранцев РКИ делать акцент на наиболее значимые для темы «Гражданская война в русской литературе» аспекты: особенности речи и мышления воюющих сторон, взаимодействие социальных групп в условиях гражданской войны, глобальный конфликт «старого» и «нового», формирование революционной эстетики (специальной лексики, особой мотивной и символической структуры).

На основании исследования также можно сделать вывод, что «Конармия» более перспективна в практике РКИ, чем «Разгром»:

Во-первых, текст «Разгрома» рассчитан на читателя с определенной идеологической подготовкой и знаниями, представляет идеологическую точку зрения только одной из сторон военного конфликта.

Во-вторых, в «Разгроме» (кроме коротких эпизодов с корейцем и перестрелки с японцами) отсутствует мультикультурный компонент, который может быть интересен иностранным обучающимся.

В-третьих, в «Разгроме» нет широкой палитры пластов лексики, разнообразия речи персонажей и режимов повествования.

В-четвертых, цельность текста не позволяет использовать на уроке отдельный фрагмент романа в ущерб остальному тексту.

«Конармия» открывает для преподавателя РКИ куда больше возможностей, как с точки зрения формальной организации урока, так и с позиции наиболее всестороннего изучения темы Гражданской войны.

ГЛАВА 2. «КОНАРМИЯ» В ПРЕПОДАВАНИИ РКИ

2.1. ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ «КОНАРМИИ» В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

Бабель является признанным мастером выверенного короткого рассказа, и это можно использовать в обучении. Богатая образность и обилие тропов позволяют развивать языковое чутьё иностранных обучающихся, небольшая длина многих рассказов позволяет освоить их текст за один урок, достаточно легко «схватить» их смысл.

Проблемный аспект состоит в том, что чтение художественной литературы, аналитическое чтение текстов предполагает продвинутый уровень владения русским языком [Акиншина, Каган 2002, 101-107]. При этом из списка возможных для использования на уроке исключаются рассказы «сказовой» формы и рассказы проблемного этического содержания, понимание которых в сознании иностранных обучающихся может быть искажено без прочтения всего сборника. Многие тропы, фразеологизмы и специальная лексика будут порождать дополнительные лексико-грамматические трудности, что в отдельных местах их большого скопления затруднит понимание текста.

Без лингвострановедения обучение языку неполно. Культура, религия и история народов бывшей Российской Империи являются важным компонентом «Конармии». В тексте описывается жизнь самых разных этнических и этносоциальных групп поликультурного региона Западной Украины и Польши (русские, украинцы, евреи, поляки, казаки).

Проблемный аспект заключается в том, что в отдельном рассказе русской культуре может быть уделено куда меньше внимания, чем еврейской или польской.

Цикл рассказов «Конармия» действительно является сложным для восприятия иностранными обучающимися в силу своей сложной сюжетной структуры, обилия лексико-грамматических трудностей, этической неоднозначности. Однако мы считаем, что это произведение Бабея перспективно в практике преподавании РКИ.

Рассказы сборника «Конармия» изображают жизнь народов и социальных групп России и её ближайших соседей в важный период русской истории, который существенно повлиял на весь двадцатый век. Современная Россия также является многонациональной и многоконфессиональной страной. Представляется важным использовать в обучении РКИ такие аутентичные (или адаптированные) тексты, в которых большую роль играет взаимодействие и сосуществование различных славянских и иных народов, описание их верований и традиций.

Наиболее перспективные категории иностранных обучающихся: евреи, поляки, украинцы, граждане бывших советских республик; иностранные обучающиеся, интересы которых находятся в профессиональной или научной сфере: история, этнография, религиоведение, политология. Уровень владения языком: от продвинутого до профессионального (B2-C2) [Методическая мастерская 2012, 97].

2.2. МЕТОДИЧЕСКАЯ РАЗРАБОТКА УРОКА «ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. ИСААК БАБЕЛЬ»

Цель урока: Изучение художественного текста о Гражданской войне в лингвострановедческом аспекте.

Для достижения цели необходимо решить **задачи:**

1. Изучить биографию и творческую судьбу Исаака Бабеля в свете истории начала XX века;
2. Изучить материалы о Гражданской войне в России и её роли в истории страны;
3. Прочитать, проанализировать и понять текст рассказа;
4. Изучить слова специальной лексики и понять их роль в рассказе;
5. Определить в рассказе смысловую связь между судьбами персонажей, народов и социальных групп в ситуации войны.
6. *Сопоставить дневниковую запись и рассказ с помощью методов практической стилистики.

План урока:

Методический комментарий

Для уровня С2 можно познакомить учащихся с фрагментом из «Конармейского дневника 1920 года», который взят без изменений исходного текста. Можно обсудить текст на уроке или предложить для домашнего чтения и обсуждения на следующем уроке.

Методический комментарий

Предложенный план урока предполагает определённую вариативность в зависимости от уровня подготовки обучающихся, выделенного времени и возможностей учебного помещения. Чтение рассказа «Берестечко» предполагает больше времени на освоение и более высокий уровень владения русским языком,

чем чтение рассказа «Грищук». Чтение записи «8.8.20 Берестечко» из «Конармейского дневника 1920 года» и сопоставление её с рассказом «Берестечко» предполагает также обучение практической стилистике. В отдельных случаях возможно чтение одного из текстов в качестве домашнего задания.

Предтекстовая работа (~30 минут)

- Знакомство аудитории с темой занятия.

[Распределение раздаточных материалов [Приложение 1]

- Знакомство аудитории с биографией Исаака Бабеля.
- Знакомство аудитории с информацией о Гражданской войне.

[Демонстрация мини-лекции «Начало Гражданской войны»]

- Проверка конспектов по прослушанной лекции.
- Знакомство аудитории с экстралингвистическим контекстом действия в сборнике «Конармия» (Польский фронт).

[Демонстрация плакатов и карт Советско-польской войны [Приложение 2]

Притекстовая работа (в зависимости от выбранного текста)

- Ознакомительное чтение рассказа.
- Знакомство с культурно-маркированной лексикой рассказа.

[Демонстрация визуализации страноведческой лексики [Приложение 3]

- Поабзацное комментированное чтение рассказа.
- Проверка понимания и усвоения целого текста.

Послетекстовая работа (оставшееся время урока/ домашняя работа)

- Обсуждение затронутых в рассказе проблем в свете личных мнений и впечатлений учащихся.

****Послетекстовая работа для уровня С2***

- Ознакомительное чтение дневниковой записи.

- Сравнительный анализ дневниковой записи и рассказа с позиций практической стилистики.

2.3. КОНСПЕКТЫ И МАТЕРИАЛЫ УРОКА

Конспект урока (рассказ «Берестечко» (С1-С2):

Предтекстовая работа

Преподаватель

Сегодня мы познакомимся с рассказом русского писателя первой трети XX века Исаака Бабеля. Кто-нибудь знает это имя? Что вы знаете о Бабеле?

Предполагаемые ответы

— Ничего

Преподаватель

Как я сказал, это писатель первой трети XX века. Кто может догадаться, в какие годы он опубликовал основные свои произведения (1900, 1910, 1920)?

[Распределение раздаточных материалов]

Справочный текст 1

БАБЕЛЬ Исаак Эммануилович (1894, Одесса, — 1940, Москва), русский писатель.

Исаак Эммануилович Бабель родился в еврейской семье 13 июля 1894 года в Одессе. Учился в школе и ВУЗе, затем отслужил в российской армии. Стал известен как писатель, сперва публикуя маленькие рассказы, а позже опубликовав свои знаменитые сборники рассказов «Конармия» и «Одесские рассказы».

В 1926 году, после публикации сборника рассказов «Конармия», он получил признание как писатель.

Несмотря на первоначальные похвалы, со временем советские власти подвергли Бабеля жёсткой цензуре. Книга «Конармия» не понравилась

некоторым советским военачальникам и критикам. Войска Красной Армии в книге были показаны вне стереотипов советской пропаганды, что очень не нравилось некоторым руководителям советского государства. В 1940 году он был казнён НКВД по обвинению в шпионаже и антисоветской деятельности.

Преподаватель

Кто нашёл, какие два сборника рассказов считаются основными произведениями Бабеля?

Предполагаемые ответы

— «Конармия», «Одесские рассказы»

Преподаватель

Сегодня мы будем читать рассказ из сборника «Конармия». Это необычное слово является сокращением из двух слов. Можете догадаться, из каких основ состоит это слово?

Предполагаемые ответы

—

Преподаватель

Конармия — конная армия. Если сборник рассказов посвящен конной армии, как вы думаете, о каких событиях пойдет речь в книге?

Предполагаемые ответы

— Войне

Преподаватель

В сборнике «Конармия» рассказывается о таком важном для страны периоде, как Гражданская война в России. Что вы уже знаете о Гражданской войне?

Предполагаемые ответы

— Началась в 1917 году, между красными и белыми

Преподаватель

Сейчас мы прослушаем мини-лекцию «Начало Гражданской войны»
[URL: <https://interneturok.ru/lesson/istoriya-rossii/11-klass/velikaya-rossiyskaya-revolyuetsiya-1917-1921-gg/nachalo-grazhdanskoy-voyny-krasnye-belye-i-drugie>].

Пожалуйста, запишите мои вопросы, посмотрите видео лекцию и напишите на них ответ:

- 1) Сколько длилась Гражданская война в России?
- 2) Кто принимал участие в войне, основные стороны?
- 3) Главная особенность гражданских войн?

[Демонстрация плакатов и карт Советско-польской войны] [Приложение 2]

Преподаватель

Одним из фронтов, регионов Гражданской войны была война с Польшей в 1919-1921 годах, где и воевала Конармия. Глядя на слайд, скажите, за кого воевала конная армия? На территории каких стран велись боевые действия?

Предполагаемые ответы

— За красных

— Польша, Украина, Россия, СССР

Преподаватель

Рассказ, который мы будем сегодня читать, называется «Берестечко». Как вы думаете, что значит слово «Берестечко», какая это часть речи?

Предполагаемые ответы

— Существительное

— Название, место

Преподаватель

Посмотрим, правильно ли вы предположили. Давайте читать рассказ.

Притекстовая работа

Берестечко

(1) Мы делали переход из Хотина в Берестечко. Бойцы дремали в высоких седлах. Песня журчала, как пересыхающий ручей. Мужики в белых рубахах ломали шапки перед нами. Бурка начдива Павличенки веяла над штабом, как мрачный флаг. Пуховый башлык его был перекинут через бурку, кривая сабля лежала сбоку.

(2) Мы проехали казачьи курганы и вышку Богдана Хмельницкого. Из-за могильного камня выполз дед с бандурой и детским голосом спел про былую казачью славу. Мы прослушали песню молча, потом развернули штандарты и под звуки гремящего марша ворвались в Берестечко. Жители заложили ставни железными палками, и тишина, полновластная тишина взошла на местечковый свой трон.

(3) Квартира мне попала у рыжей вдовы, пропахшей вдовьим горем. Я умылся с дороги и вышел на улицу. На столбах висели объявления о том, что военкомдив Виноградов прочтет вечером доклад о Втором конгрессе Коминтерна.

(4) Я стал бродить по Берестечку. Больше всего здесь евреев, а на окраинах расселились русские мещане-кожевники. Они живут чисто, в белых домиках за зелеными ставнями. Вместо водки мещане пьют пиво или мед, разводят табак в палисадниках и курят его из длинных гнутых трубок, как украинские крестьяне. Соседство трех племен, деятельных и деловитых, разбудило в них упрямое трудолюбие, свойственное иногда русскому человеку, когда он еще не отчаялся и не упился.

(5) Быт выветрился в Берестечке, а он был прочен здесь. Отростки, которым перевалило за три столетия, все еще зеленели на Волыни теплой гнилью старины. Евреи связывали здесь нитями наживы русского мужика с польским

паном, чешского колониста с польской фабрикой. Это были контрабандисты, лучшие на границе, и почти всегда воители за веру.

(6) Евреи живут здесь в просторных домах, вымазанных белой или водянисто-голубой краской. Традиционное убожество этой архитектуры насчитывает столетия. За домом тянется сарай в два, иногда в три этажа. В нем никогда не бывает солнца. Сарай эти, неописуемо мрачные, заменяют наши дворы. Потайные ходы ведут в подвалы и конюшни. Во время войны в этих катакомбах спасаются от пуль и грабежей.

(7) К концу дня я ушел за городскую черту, поднялся в гору и проник в опустошенный замок графов Рациборских, недавних владельцев Берестечка. Спокойствие заката сделало траву у замка голубой. Над прудом взошла луна, зеленая, как ящерица. Из окна мне видно поместье графов Рациборских — луга и плантации из хмеля, скрытые узорчатыми лентами сумерек.

(8) Внизу на площадке собрался митинг. Пришли крестьяне, евреи и кожевники из предместья. Над ними разгорелся восторженный голос Виноградова и звон его шпор. Он говорил о Втором конгрессе Коминтерна, а я бродил вдоль стен, где нимфы с выколотыми глазами водят старинный хоровод. Внизу не умолкает голос военкомдива. Он страстно убеждает озадаченных мещан и обворованных евреев:

— Вы — власть. Все, что здесь, — ваше. Нет панов. Приступаю к выборам Ревкома...

Преподаватель

Перед вами список новых для вас слов. Под какими номерами на картинке находятся эти слова [Приложение 3]?

Словарь незнакомой лексики:

Бурка — Безрукавная одежда из войлока (шерсти), распространённая на Кавказе.

Башлык — Теплый головной убор, надеваемый чаще поверх шапки.

Сабля — Клинковое холодное оружие с изогнутым лезвием.

Банду́ра — Украинский народный многострунный щипковый музыкальный инструмент.

Шта́ндарт — Вид флага.

Шпо́ры — Железное приспособление всадника, прикрепляемое к пятке сапога.

Преподаватель

Особенностью времени после революции было появление в русском языке многих новых сокращений, что видно в тексте рассказа. Соедините сокращения со словами, из которых они состоят [Приложение 1]:

1) Конармия	a) Коммунистический интернационал
2) Начдив	b) Командир дивизии
3) Коминтерн	c) Революционный комитет
4) Комдив	d) Начальник дивизии
5) Ревком	e) Конная армия

Преподаватель

Сейчас мы прочитаем рассказ ещё раз по частям, чтобы лучше понять его содержание. Мы будем читать по частям и останавливаться, чтобы обсудить прочитанный фрагмент.

(1) Мы делали переход из Хотина в Берестечко. Бойцы дремали в высоких седлах. Песня журчала, как пересыхающий ручей. Мужики в белых рубахах ломали шапки перед нами. Бурка начдива Павличенки веяла над штабом, как мрачный флаг. Пуховый башлык его был перекинут через бурку, кривая сабля лежала сбоку.

Преподаватель

Как вы понимаете смысл первого предложения? Можете передать его смысл, заменив словосочетание *делали переход*?

Предполагаемые ответы

— Мы *шли* из Хотина в Берестечко

— Мы *двигались* из Хотина в Берестечко

Преподаватель

Прочитайте третье предложение. Как вы понимаете фразеологизм *ломали шапки*? Используя языковое чутьё, замените словосочетание глаголом.

Предполагаемые ответы

— Не знаю

— Извинялись

— Кланялись

Ключ для преподавателя

- Делали переход — Шли, двигались, перемещались.
- Ломать шапку — 1) почтительно кланяться; 2) унижаться,

заискивать.

(2) Мы проехали казачьи курганы и вышку Богдана Хмельницкого. Из-за могильного камня выполз дед с бандурой и детским голосом спел про былую казачью славу. Мы прослушали песню молча, потом развернули штандарты и под звуки гремящего марша ворвались в Берестечко. Жители заложили ставни железными палками, и тишина, полновластная тишина взошла на местечковый свой трон.

Преподаватель

Прочитайте первое предложение. Знакомо ли вам слово «курган»? В России есть город Курган недалеко от Тюмени. Это слово пришло в русский язык из тюркского языка.

Предполагаемые ответы

- Холм
- Могила
- Гробница

Преподаватель

Понятно ли вам слово *местечковый*? Выделите в этом слове корень, подберите существительное, от которого это слово образовано. Вспомните функцию суффикса –ечк–. Подберите к слову синонимы.

Предполагаемые ответы

- МЕСТ-ечковый
- Местечко
- Место
- Суффикс субъективной оценки, уменьшительно-ласкательный
- Местный

Ключ для преподавателя

- Курган — Древний могильный холм, а также вообще небольшая возвышенность.
- Местечковый — Соотносящийся по знач. с сущ. местечко, связанный с ним. Местечко — название типа населённого пункта в Польше и Украине. –ечк– суффикс субъективной оценки. Синонимы — провинциальный, местный.

(3) Квартира мне попала у рыжей вдовы, пропахшей вдовьим горем. Я умылся с дороги и вышел на улицу. На столбах висели объявления о том, что военкомдив Виноградов прочтет вечером доклад о Втором конгрессе Коминтерна.

Преподаватель

Как вы думаете, в каком стиле может быть написано объявление о докладе командира дивизии про Второй конгресс Коминтерна?

Предполагаемые ответы

- Торжественный
- Публицистический
- Официальный

(4) Я стал бродить по Берестечку. Больше всего здесь евреев, а на окраинах расселились русские мещане-кожевники. Они живут чисто, в белых домиках за зелеными ставнями. Вместо водки мещане пьют пиво или мед, разводят табак в палисадниках и курят его из длинных гнутых трубок, как украинские крестьяне. Соседство трех племен, деятельных и деловитых, разбудило в них упрямое трудолюбие, свойственное иногда русскому человеку, когда он еще не отчаялся и не упился.

Преподаватель

Прочитайте второе предложение. Знакомо ли вам слово *мещане*, *мещанство*? Кого в России называли мещанами?

Предполагаемые ответы

- Горожане
- Торговцы

Преподаватель

Прочитайте последнее предложение. Какие «три племени», три народа соседствуют в Берестечке?

Предполагаемые ответы

- Русские
- Евреи
- Поляки

— Украинцы

Ключ для преподавателя

- Мещане — сословие мелких домовладельцев, торговцев, ремесленников, городских служащих.
- Русские, евреи, поляки.

(5) Быт выветрился в Берестечке, а он был прочен здесь. Отростки, которым перевалило за три столетия, все еще зеленели на Волыни теплой гнилью старины. Евреи связывали здесь нитями наживы русского мужика с польским паном, чешского колониста с польской фабрикой. Это были контрабандисты, лучшие на границе, и почти всегда воители за веру.

Преподаватель

Прочитайте первое предложение. Как вы понимаете словосочетание *быт выветрился*? Назовите возможные замены глаголу *выветрился* для этого фрагмента.

Предполагаемые ответы

— Быт исчез

— Быт разрушился

Преподаватель

Найдите, сколько народов перечислено в абзаце и чем они могут заниматься?

Предполагаемые ответы

— Евреи

— Русские

— Чехи

Ключ для преподавателя

- Выветриться — разрушиться, исчезнуть, измениться (под влиянием ветра).
- Евреи — контрабандисты, русские — мещане, поляки — фабриканты, чехи — колонисты.

(6) Евреи живут здесь в просторных домах, вымазанных белой или водянисто-голубой краской. Традиционное убожество этой архитектуры насчитывает столетия. За домом тянется сарай в два, иногда в три этажа. В нем никогда не бывает солнца. Сарай эти, неописуемо мрачные, заменяют наши дворы. Потайные ходы ведут в подвалы и конюшни. Во время войны в этих катакомбах спасаются от пуль и грабежей.

Преподаватель

Вам знакомо слово *убожество*? Как вы понимаете словосочетание *убожество архитектуры*?

Предполагаемые ответы

— Бедность архитектуры

— Нищета архитектуры

Преподаватель

Какой оттенок придают тексту словосочетания *убожество архитектуры*, *никогда не бывает солнца*, *мрачные сараи*, *катакомбы*. Каким видится такое жилище?

Предполагаемые ответы

— Мрачное

— Страшное

Ключ для преподавателя

- Убогость — перен. ничтожность, скудость, посредственность.

(7) К концу дня я ушел за городскую черту, поднялся в гору и проник в опустошенный замок графов Рациборских, недавних владельцев Берестечка. Спокойствие заката сделало траву у замка голубой. Над прудом взошла луна,

зеленая, как ящерица. Из окна мне видно поместье графов Рациборских — луга и плантации из хмеля, скрытые узорчатыми лентами сумерек.

Преподаватель

В первом предложении есть существительное *владелец*. Выделите корень слова. Это слово из устаревшей лексики, подберите современное однокоренное слово с похожим значением.

Предполагаемые ответы

— ВЛАД-елец

— Владелец

Преподаватель

Как вы думаете, сколько времени будут показывать часы в Берестечке, пока герой гуляет по окрестностям города? Что указывает именно на это время?

Предполагаемые ответы

— Восемь вечера

— Шесть вечера

— Видно луну, сумерки, закат

Ключ для преподавателя

- Владелец — То же, что владелец (*устар.*).

(8) Внизу на площадке собрался митинг. Пришли крестьяне, евреи и кожевники из предместья. Над ними разгорелся восторженный голос Виноградова и звон его шпор. Он говорил о Втором конгрессе Коминтерна, а я бродил вдоль стен, где нимфы с выколотыми глазами водят старинный хоровод. Внизу не умолкает голос военкомдива. Он страстно убеждает озадаченных мещан и обворованных евреев:

— Вы — власть. Все, что здесь, — ваше. Нет панов. Приступаю к выборам Ревкома...

Преподаватель

Прочитайте первое предложение. Вам знакомо слово *митинг*? Митинг, демонстрация, собрание являются частью политической культуры современной России. Что вы слышали о подобных мероприятиях в России за последнее время?

Предполагаемые ответы

— (В зависимости от текущей политической ситуации)

Преподаватель

Речь военкомдива Виноградова полна бодрости и приподнятого настроения. Найдите в абзаце слова и словосочетания, отражающие настроение военкомдива.

Предполагаемые ответы

— Восторженный голос

— Страстно убеждает

Ключ для преподавателя

- разгорелся восторженный голос, звон его шпор, не умолкает голос, страстно убеждает.

Преподаватель

Мы прочитали текст рассказа два раза. Напишите по памяти, о каком народе идёт речь, опираясь на факты из рассказа [Приложение 1]:

- 1) _____ Живут на окраине, в белых домиках за зелёными ставнями. Занимаются кожевенным делом. Пьют пиво или мед, разводят табак в палисадниках и курят его из длинных гнутых трубок.
- 2) _____ Живут в просторных домах, вымазанных белой или водянисто-голубой краской. За домом тянется сарай в два, иногда в три этажа. Контрабандисты, лучшие на границе, и почти всегда воители за веру.
- 3) _____ Колонисты.
- 4) _____ Воюют против Красной Армии. До прихода Конармии владели городом, их знатные люди и помещики обозначаются словом «пан». С Берестечко связаны торговлей товарами фабричного производства.

Послетекстовая работа***Преподаватель***

Как вы думаете, как изменится жизнь жителей Берестечко после прихода Конармии и установления новой власти? Жизнь станет лучше или хуже, кто станет жить беднее, а кто богаче?

Как вы думаете, к какой национальности принадлежит главный герой и почему?

****Послетекстовая работа для уровня С2***

Преподаватель

Как вы знаете, «Конармия» написана на основе дневников, которые Исаак Бабель вел во время своего участия в советско-польской войне. Жанр дневниковой записи заметно отличается от жанра рассказа. Давайте прочитаем фрагмент из дневника о том же городке Берестечко.

8.8.20 Берестечко

(1) Вживаюсь в местечко. Здесь были ярмарки. Крестьяне продают груши. Им платят давно несуществующими деньгами. Здесь жизнь была ключом — евреи вывозили хлеб в Австрию, контрабанда товаров и людей, близость границы.

Необыкновенные сараи, подземелья.

(2) Живу у содержательницы постоялого двора, рыжая тощая сволочь. Ильченко купил огурцов, читает «Журнал для всех» и рассуждает об экономической политике, во всем виноваты евреи, тупое, славянское существо, при разграблении Ростова набившее карман. Какие-то приемыши, недавно умершая. История с аптекарем, которому поляки запускали под ногти булавки, обезумевшие люди. Жаркий день, жители слоняются, начинают оживать, будет торговля.

(3) Синагога, Торы, 36 лет тому назад построил ремесленник из Кременца, ему платили 50 рублей в месяц, золотые павлины, скрещенные руки, старинные Торы, во всех шемесах нет никакого энтузиазма, изжеванные старики, мосты на Берестечко, как всколыхнули, поляки придавали всему этому давно утраченный колорит. Старичок, у которого остановился Корочаев, разжалованный начдив, со своим оруженосцем-евреем. Корочаев был предчека где-то в Астрахани, поковырять его, оттуда посыплется. Дружба с евреем. Пьем чай у старичка. Тишина, благодушие. Слоняюсь по местечку, внутри еврейских лачуг идет

жалкая, мощная, неумирающая жизнь, барышни в белых чулках, капоты, как мало толстяков.

(4) Ведем разведку на Львов. Апанасенко пишет послания Ставропольскому Исполкому, будем рубить головы в тылу, он восхищен. Бой у Радзихова, Апанасенко ведет себя молодцом — мгновенная распланировка войск, чуть не расстрелял отступившую 14-ую дивизию. Приближаемся к Радзихову. Газеты московские от 29/VII. Открытие II конгресса III Интернационала, наконец осуществленное единение народов, все ясно: два мира и объявлена война. Мы будем воевать бесконечно. Россия бросила вызов. Пойдем в Европу, покорять мир. Красная Армия сделалась мировым фактором.

Надо приглядеться к Апанасенко. Атаман.

Панихида тихого старика по внучке.

(5) Вечер, спектакль в графском саду, любители из Берестечка, денщик болван, барышни из Берестечка, затихает, здесь бы пожить, узнать.

Преподаватель

Какие персонажи повторяются в текстах? По-разному ли к ним относится автор?

Какие эпизоды и фрагменты есть в обоих текстах, а какие не повторяются?

Как вам кажется, в чем основное отличие этой дневниковой записи от рассказа «Берестечко»?

С помощью каких средств Бабель превратил дневниковую запись в художественное произведение?

Какие фрагменты из дневниковой записи, которым не нашлось места в «Конармии», вы бы хотели увидеть в виде художественного текста в рассказе «Берестечко»?

Ключ для преподавателя

- Рыжая вдова.

- Контрабанда товаров и людей; еврейские лачуги, сараи, подземелья; открытие II конгресса Интернационала.

Конспект урока (рассказ «Грищук» (B2-C1):

Предтекстовая работа

[...]

Преподаватель

Рассказ, который мы будем сегодня читать, называется «Грищук». Как вы думаете, на какую тему может быть рассказ «Грищук»?

Предполагаемые ответы

— О Грищуке

— О жизни Грищука

Преподаватель

Посмотрим, правильно ли вы предположили. Давайте читать рассказ.

Притекстовая работа

Грищук

(1) Вторая поездка в местечко окончилась худо. Мы отправились добывать хлеба, возвращались к полудню. Спина Грищука мирно тряслась перед моими глазами. Не доезжая села, он аккуратно сложил вожжи, вздохнул и стал сползать с сиденья. Он сполз ко мне на колени и вытянулся поперек брички. Его стынущая голова покачивалась, лошади шли шагом, и желтеющая ткань покоя оседала на лице Грищука, как саван.

— Не емши, — вежливо ответил он на мой испуганный крик и утомленно опустил веки.

Так мы въехали в село, с кучером, растянувшимся во всю длину экипажа.

(2) Дома я накормил его хлебом и картошкой. Он ел вяло, задремывал и раскачивался. Потом вышел на середину двора и, разбросав руки, лег на землю лицом кверху.

— Ты все молчишь, Грищук, — сказал я ему, задыхаясь, — как я пойму тебя, томительный Грищук?..

Он смолчал и отвернулся. И только ночью, когда мы, согревая друг друга, лежали на сене, я узнал одну главу из его немой повести.

(3) Русские пленные работали по укреплению сооружений на берегу Северного моря. На время полевых работ их угнали в глубь Германии. Грищука взял к себе одинокий и умалишенный фермер. Безумие его состояло в том, что он молчал. Побоями и голодовкой он выучил Грищука объясняться с ним знаками. Четыре года они молчали и жили мирно.

(4) Грищук не выучился языку потому, что не слышал его. После германской революции он пошел в Россию. Хозяин проводил его до края деревни. У большой дороги они остановились. Немец показал на церковь, на свое сердце, на безграничную и пустую синеву горизонта. Он прислонился своей седой взъерошенной безумной головой к плечу Грищука. Они постояли так в безмолвном объятии. И потом немец, взмахнув руками, быстрым, немощным и путаным шагом побежал назад, к себе.

Преподаватель

Перед вами список новых для вас слов. Под какими номерами на картинке находятся эти слова?

Словарь незнакомой лексики [[Приложение 3](#)]:

Во́жжи — Часть упряжи: ремни, верёвки, с двух сторон прикрепляемые к удилам для управления лошадью.

Бри́чка — Лёгкая колёсная повозка.

Ку́чер — Работник, который правит лошадьми в экипаже.

Са́ван — Широкое одеяние, покров из белой ткани для покойников.

Преподаватель

Сейчас мы прочитаем рассказ ещё раз по частям, чтобы лучше понять его содержание. Мы будем читать по частям и останавливаться, чтобы обсудить прочитанный фрагмент.

(1) Вторая поездка в местечко окончилась худо. Мы отправились добывать хлеба, возвращались к полудню. Спина Грищука мирно тряслась перед моими глазами. Не доезжая села, он аккуратно сложил вожжи, вздохнул и стал

сползать с сиденья. Он сполз ко мне на колени и вытянулся поперек брички. Его стынущая голова покачивалась, лошади шли шагом, и желтеющая ткань покоя оседала на лице Грищука, как саван.

— Не емши, — вежливо ответил он на мой испуганный крик и утомленно опустил веки.

Так мы въехали в село, с кучером, растянувшимся во всю длину экипажа.

Преподаватель

Прочитайте первое предложение. Вам знакомо слово *местечко*? Выделите основу и суффикс, вспомните назначение суффикса. От какого слова оно образовано?

Предполагаемые ответы

— МЕСТ-ечк-о

— Суффикс субъективной оценки

— Место

Преподаватель

Как данные фрагменты характеризуют Грищука, какой он: «спина мирно тряслась», «он аккуратно сложил вожжи», «вежливо ответил»? Хотели бы вы ехать с таким водителем?

Предполагаемые ответы

— Вежливый

— Хороший

Ключ для преподавателя

- Местечко — 1) Тип поселения в Польше и Украине. 2) Уменьш.-ласк. к Место. –Ечк- суффикс субъективной оценки.

(2) Дома я накормил его хлебом и картошкой. Он ел вяло, задремывал и раскачивался. Потом вышел на середину двора и, разбросав руки, лег на землю лицом кверху.

— Ты все молчишь, Грищук, — сказал я ему, задыхаясь, — как я пойму тебя, томительный Грищук?..

Он смолчал и отвернулся. И только ночью, когда мы, согревая друг друга, лежали на сене, я узнал одну главу из его немой повести.

Преподаватель

Как вы понимаете смысл слова *томительный*? От какого глагола происходит слово? Что может значить прилагательное *томительный* применительно к человеку?

Предполагаемые ответы

— Утомительный

— Томить

Преподаватель

Как вы понимаете словосочетание *немая повесть*? Как повесть может быть немой?

Ключ для преподавателя

- Томительный — Производное от глагола томить — мучительно беспокоить, тревожить, тяготить.
- «Немая повесть» это троп (оксюморон) — нарочитое сочетание противоречивых понятий.

(3) Русские пленные работали по укреплению сооружений на берегу Северного моря. На время полевых работ их угнали в глубь Германии. Грищука взял к себе одинокий и умалишенный фермер. Безумие его состояло в том, что он молчал. Побоями и голодовкой он выучил Грищука объясняться с ним знаками. Четыре года они молчали и жили мирно.

Преподаватель

Прочитаем первое предложение. Вам знакомо слово *пленные*? Выделите основу слова, определите от какого слова оно образовано.

Предполагаемые ответы

— ПЛЕН-ные

— Плен

Преподаватель

О какой войне Германии против России может идти речь в абзаце? Ориентируясь на даты этой войны, можете примерно назвать те четыре года, которые Грищук провел в плену?

Предполагаемые ответы

— Вторая мировая, 1941-1945

Ключ для преподавателя

- Пленный — Взятый в плен, находящийся в плену. Плен — положение человека, захваченного неприятелем.
- Первая мировая война (28 июля 1914 — 11 ноября 1918).

(4) Грищук не выучился языку потому, что не слышал его. После германской революции он пошел в Россию. Хозяин проводил его до края деревни. У большой дороги они остановились. Немец показал на церковь, на свое сердце, на безграничную и пустую синеву горизонта. Он прислонился своей седой взъерошенной безумной головой к плечу Грищука. Они постояли так в безмолвном объятии. И потом немец, взмахнув руками, быстрым, немощным и путаным шагом побежал назад, к себе.

Преподаватель

Скажите, что может означать прилагательное *безмолвный*? Выделите в слове приставку и корень. Какой можно подобрать синоним слова для словосочетания *безмолвное объятие*?

Предполагаемые ответы

— Молчаливый

— Без-МОЛВ-ный

Преподаватель

Было ли немцу тяжело расставаться с Грищуком? Какими действиями немой немец смог показать свое отношение к Грищуку?

Предполагаемые ответы

— Было тяжело расстаться

— Постояли в объятии, прислонился к плечу

Ключ для преподавателя

- Без-МОЛВ-ный — То же, что молчаливый. Не нарушаемый звуками, тихий.
- Хозяин проводил; Немец показал на церковь, на свое сердце, на безграничную и пустую синеву горизонта; прислонился к плечу Грищука; постояли в объятии

Преподаватель

Как главный герой относится к Грищуку? Можете найти примеры в тексте?

Ключ для преподавателя

- мой испуганный крик; сказал я ему, задыхаясь; я накормил его; мы, согревая друг друга, лежали на сене.

Послетекстовая работа

Как вы думаете, повлиял ли плен на Грищука и его характер?

Вам было бы трудно прожить четыре года, ни с кем не разговаривая?

Как вы думаете, почему немец так тепло прощается с Грищуком, хотя их страны воевали между собой?

ВЫВОДЫ

Несмотря на некоторые проблемные аспекты, сборник рассказов И. Бабеля можно использовать в практике преподавания РКИ для продвинутого и профессионального уровня владения языком.

Для создания урока по «Конармии» предлагается использовать тип урока «Комментированное и аналитическое чтение художественного текста (рассказа)». Необходимо использовать приёмы сокращения и переложения при адаптации исходного текста. В ходе урока важно задействовать мультимедиа материалы лингвострановедческой направленности, раздаточные материалы с письменными заданиями.

Разработанный урок «Гражданская война в русской литературе. Исаак Бабель.» обладает вариативной и инвариантной частью, что позволяет использовать методические разработки для разных уровней владения языком (от В1 до С2) и количества учебных часов.

Исторический и этнографический компоненты играют важную роль в материалах урока, что говорит о его потенциале в аспекте лингвострановедения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение в литературном произведении того или иного дискурса решает двоякую задачу: позволяет выявить интертекстуальные особенности коммуникативного пространства этого дискурса и с учетом этих особенностей выявить своеобразие и уникальность конкретного художественного текста.

Война затрагивает основы существования как отдельной личности, так и социальных групп, целых народов. Дискурс войны является важнейшим компонентом национальной и мировой литературы, представлен во многих литературных произведениях.

В ходе исследования были выявлены подходы к изучению дискурса войны, определены его основные особенности: дихотомия внутри изображаемого мира, деформация хронотопа и его восприятия, обострение экзистенциальной проблематики.

«Конармия» И. Э. Бабеля и «Разгром» А. А. Фадеева имеют сложную историю восприятия и изучения в нашей стране, которая связана с долгим периодом цензуры в области объективных исследований текстов о Гражданской войне. Были определены три этапа, отличающиеся по подходам и методам изучения текстов, рассмотрены значимые в эти периоды научные работы и концепции. Наиболее близкими к данному исследованию определены работы формальной школы 1920-х годов и публикации рубежа веков.

Используя методы нарратологического и дискурсивного анализа, удалось определить особенности дискурса войны в сборнике «Конармия» и романе «Разгром». Акцент в исследовании на дискурсе и нарративе позволил в полной мере выявить основы «многоликости», «мозаичности» цикла рассказов, найти объединяющие начала внутри сборника; изучить способы построения цельного, монологического текста романа «Разгром». Проведенный анализ текстов

позволил составить модель дискурса войны 1920-х годов, состоящую из двух интертекстуальных уровней: (общие принципы дискурса войны, дискурс Гражданской войны), которые дополняются своеобразием конкретного текста.

В результате проведенной исследовательской работы можно сделать вывод, что изучение дискурса войны с помощью методов дискурсивного и нарратологического анализа является перспективным и продуктивным. Представляется возможным использовать данную методику литературного анализа в исследовании иных художественных произведений, в которых дискурс войны играет важное значение.

Определение основных составляющих дискурса войны в литературе 1920-х годов позволило выделить в практике преподавания РКИ для потенциальной темы «Гражданская война в русской литературе» наиболее значимые аспекты, определить образовательный потенциал двух текстов.

На основании исследования был сделан вывод, что «Конармия» более перспективна в практике РКИ, чем «Разгром».

Были рассмотрены возможности и перспективы преподавания рассказов цикла в РКИ. Наиболее перспективным с учетом особенностей текста видится использование «Конармии» в занятиях с акцентом на лингвострановедческий и культурологический материал, экстралингвистический контекст. Тип урока: комментированное и аналитическое чтение художественного текста (рассказа). Была составлена методическая разработка занятия «Гражданская война в русской литературе. Исаак Бабель» для уровней (B2-C2) из двух вариантов урока с адаптированными текстами. Эти материалы могут быть использованы при проведении и разработке уроков РКИ на темы: «Гражданская война в России», «Россия как многонациональное государство» и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабель И. Э. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. Конармия / И. Бабель. ; сост., коммент. И. Н. Сухих. – СПб.: Пальмира, 2017. – 446 с.
2. Фадеев А.А. Собрание сочинений: в 4 т. Т.1. Разгром / А.А. Фадеев. – М.: Правда, 1987. – С. 51-206.
3. Акиншина А. А. Учимся учить: для преподавателя русского языка как иностранного / А. А. Акиншина, О. Е. Каган. – Изд. 4-е., испр. и доп. – М.: Рус. яз. Курсы, 2002. – 256 с.
4. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики – М.: Художественная литература, 1975. – С. 234-407.
5. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского / Бахтин М.М. – М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. – 505 с.
6. Белая Г.А. "Конармия" Исаака Бабеля / Г. А. Белая, Е. А. Добренко, И. А. Есаулов. – М.: РГГУ, 1993. – 120 с.
7. Белецкий А. И. Избранные труды по теории литературы / А. И. Белецкий. – М.: Просвещение, 1964. – 482 с.
8. Буденный С. М. Бабизм Бабеля из "Красной нови" / С. М. Буденный // Октябрь – №3 – М, 1924. – URL: <http://www.pseudology.org/babel/BabizmBabelya.htm> (дата обращения: 12.03.2019).
9. Бушмин А.С. Александр Фадеев: Черты творческой индивидуальности / А.С. Бушмин. – Л.: Художественная литература, 1971. – 336 с.
10. Вайскопф М. Я. Между огненных стен. Книга об Исааке Бабеле / М. Я. Вайскопф. – М.: Книжники, 2017. – 494 с.
11. Веселовский, А. Н. Поэтики сюжетов / А. Н. Веселовский // Историческая поэтика. – М.: Высшая школа, 1989. – С. 300–307.

12. Воронский А. К. Литературные силуэты: И. Бабель / А. К. Воронский // Красная новь – № 5 – М, 1924. – URL: <http://www.nauka.x-pdf.ru/17iskusstvovedenie/384313-1-literaturnie-silueti-babel-krasnaya-nov-1924-str-276-291-276-voronskiy-literaturnie-silueti-babel-suschestvu.php> (дата обращения: 02.03.2019).
13. Волинец А. Советско-польская война 1920 года / А. Волинец // Online-журнал Русская планета. : [сайт]. – 2015. – 13 сентября. – URL: <http://rusplt.ru/world/sovetskopolskaya-voyna-1920-goda-18762.html> (дата обращения: 02.03.2019).
14. Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. Т. 2. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Т. Гоббс. – М.: Мысль, 1991.
15. Головановский С. Великий одессит / С. Головановский // Воспоминания о Бабеле. – М.: Книжная палата, 1989. – С. 62-64.
16. Есаулов Е. В. Культурные подтексты поэтики Исаака Бабеля / Е. В. Есаулов. – М.: Св. Климент Охридски, 2011. – 72 с.
17. Женетт Ж. Фигуры: [в 2 т.] / Ж. Женетт. – М.: Изд.-во им. Сабашниковых, 1998. – 2 т.
18. Жолковский А. К., Ямпольский М. Б. БАБЕЛЬ/BAVEL / А. К. Жолковский, М. Б. Ямпольский. – М.: Carte blanche, 1994. – 443 с.
19. Зелинский К.Л. А.А. Фадеев (Критико-биографический очерк) / К.Л. Зелинский – М.: Советский писатель, 1956. – 238 с.
20. И. Э. Бабель. Статьи и материалы / под ред. Б. В. Казанского, Ю. Н. Тынянова. – Л.: Academia, 1928. – 105 с.
21. Красильников Р. Л. Образ смерти в литературном произведении: модели и уровни анализа / Р. Л. Красильников. – Вологда: ГУК ИАЦК, 2007. – 140 с.
22. Красильников Р. Л. Танатологические мотивы в художественной литературе (введение в литературоведческую танатологию) / Р. Л. Красильников. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 488 с.

23. Коваленко А. Г. Художественный конфликт в русской литературе XX века (структура и поэтика художественного конфликта в русской литературе XX века). Пособие по спецкурсу. / А. Г. Коваленко. – М.: Изд-во РУДН, 2001. – 57 с.
24. Круглова Т.А. Советская художественность, или Нескромное обаяние соцреализма. / Т.А. Круглова. – Екатеринбург: изд-во Гуманитарного ун-та, 2005. – 384 с.
25. Кузина, Н. В. О некоторых функциях повторов в «Конармии» И. Бабеля: Из наблюдений над стилем, композицией и семантикой книги новелл / Н. В. Кузина // Риторика–лингвистика: Сборник статей. – Смоленск: Изд-во СПГУ, 1999. – С. 32-46.
26. Кэмпбелл Д. Герой с тысячью лицами: Миф. Архетип. Бессознательное = The Hero with thousand faces / Д. Кэмпбелл; ред. И. Старых; пер. с англ. К. Семёнов. – Санкт-Петербург.: София, 1997. – 336 с.
27. Левин Ф. М. Иссаак Бабель. Очерк творчества / Ф. М. Левин. – М.: Художественная литература, 1972. – 207 с.
28. Ленин, В. И. О диктатуре пролетариата / В. И. Ленин // В. И. Ленин. Сочинения. – Изд.5-е, Т. 37, С. 499–500.
29. Ли Су Ен. Поэтика циклов И. Э. Бабеля "Конармия" и "Одесские рассказы": специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат дис. канд. филол. наук: / Ли Су Ен. – Санкт-Петербург, 2005. – 22 с.
30. Лихачев, Д. С. "Слово о полку Игореве" и особенности русской средневековой литературы / Д. С. Лихачев // Слово о полку Игореве – памятник XII века / отв. ред. Д. С. Лихачев ; АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 300–320.
31. Лотман, Ю. М. Символ в системе культуры // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. / Ю. М. Лотман. – Таллинн: Александра, 1992. – С. 191–199.

32. Методическая мастерская. Образцы уроков по русскому языку как иностранному / Н.Б. Битехтина [и др.]. – Изд. 2-е, стереотип. – М.: Русский язык. Курсы, 2012. – 176 с.
33. Начало Гражданской войны. Красные, белые и другие : Образовательный портал InternetUrok.ru : [сайт]. – URL: <https://interneturok.ru/lesson/istoriya-rossii/11-klass/velikaya-rossiyskaya-revolyutsiya-1917-1921-gg/nachalo-grazhdanskoj-voyny-krasnye-belye-i-drugie> (дата обращения: 02.03.2019).
34. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова – изд. 4-е, доп. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
35. Парсамов Ю. Фельдман, Д. Грани скандала: цикл новелл и. Э. Бабеля «Конармия» в литературно-политическом контексте 1920-х годов / Ю. Парсамов, Д. Фельдман // вопросы литературы – 2011. – № 6. – С. 178–208.
35. Поварцов С. Н. Подготовительные материалы для жизнеописания Бабеля Исаака Эммануиловича / С. Н. Поварцов // Вопросы литературы. – 2001. – № 2. – С. 202–232.
36. Поварцов С. Н. Причина смерти – расстрел / С. Н. Поварцов. – М.: Терра, 1996. – 190 с.
37. Подобрий А. В. Образ Луны в "Конармии" И. Бабеля / А. В. Подобрий // Вестник Челябинского государственного университета. – 1997. – С. 126–130.
38. Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов / редкол.: Н. А. Бакши, Н. С. Бабенко [и др.] – М.: Языки славянской культуры, 2015. – Т. 12. – 280 с.
39. Силантьев И. В. Поэтика мотива / И. В. Силантьев ; Отв. ред. Е. К. Ромодановская. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 296 с.
40. Скорospelова Е. Б. Русская проза XX века: от А.Белого («Петербург») до Б.Пастернака («Доктор Живаго») / Е. Б. Скорospelова. – М.: 2003. – 420 с.
41. Сорокина И. И. Бабель и советская критика: самосохранение таланта / И. Сорокина // Я хочу Интернационала добрых людей [Текст]: материалы научного

семинара, посвященного 100-летию со дня рождения И.Э. Бабеля, Екатеринбург, 21–22 сентября, 1994 – Екатеринбург: Уральский государственный университет, Учебно-научная лаборатория иудаики, 1994. – С. 30–31.

42. Сравнительное литературоведение. Хрестоматия: учебное пособие / отв. ред. Г.И. Данилина. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2011. – 632 с.

43. Томашевский Б. В. Теория литературы. / Б. В. Томашевский. – М.: Поэтика, 1996. – 336 с.

44. Тюпа В. И. Анализ художественного текста: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / В. И. Тюпа. – Изд. 3-е., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2009. – 336 с.

45. Тюпа В. И. Жанр и дискурс / В. И. Тюпа // Критика и семиотика. – 2011. – Вып. 15. – С. 31–42.

46. Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А.П. Чехова) / В. И. Тюпа. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – 58 с.

47. Тюпа В. И. Художественность литературного произведения: вопросы типологии / В. И. Тюпа. – Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1987. – 219 с.

48. Фокеев А. Л. Устное народное творчество и древнерусская литература / А. Л. Фокеев. – Изд. 2-е – Саратов: Наука, 2011. – 163 с.

49. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм ; пер. с нем. Э. М. Телятниковой. – М.: АСТ–ЛТД, 2014. – 618 с.

50. Хетени Ж. Лавка вечности (К мотивной структуре рассказа «Гедали» И. Бабеля) // Бабель И.Э. Избранное. – М.: Олимп, АСТ, 1996. – С. 551.

51. Черная Л. А. Антропологический код древнерусской культуры / Л. А. Черная. – М.: Языки славянской культуры, 2008. – 464 с.

Шешуков С. И. Неистовые ревнители. Из истории литературной борьбы 20-х годов / С. И. Шешуков. – М.: Прометей, 2013. – 336 с.

52. Шкловский В.Б. И. Бабель (Критический романс) / В. Б. Шкловский // ЛЕФ – № 2(6) – М, 1924. – С. 152–155. – URL: <http://www.ruthenia.ru/sovlit/j/2981.html> (дата обращения: 02.03.2019).

53. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

54. Эйдинова В. В. О стиле Исаака Бабеля («Конармия») / В. В. Эйдинова // Известия Уральского государственного университета». – 1997. – № 6. – С. 25–32.

55. Ясперс К. Разум и экзистенция / К. Ясперс ; пер. А. К. Судакова. – М.: «Канон+» РОО «Реабилитация», 2013. – 336 с.

РАЗДАТОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

БАБЕЛЬ Исаак Эммануилович (1894, Одесса, — 1940, Москва), русский писатель.

Исаак Эммануилович Бабель родился в еврейской семье 13 июля 1894 года в Одессе. Учился в школе и ВУЗе, затем отслужил в российской армии. Стал известен как писатель, сперва публикуя маленькие рассказы, а позже опубликовав свои знаменитые сборники рассказов «Конармия» и «Одесские рассказы».

В 1926 году, после публикации сборника рассказов «Конармия», он получил признание как писатель.

Несмотря на первоначальные похвалы, со временем советские власти подвергли Бабеля жёсткой цензуре. Книга «Конармия» не понравилась некоторым советским военачальникам и критикам. Войска Красной Армии в книге были показаны вне стереотипов советской пропаганды, что очень не нравилось некоторым руководителям советского государства. В 1940 году он был казнён НКВД по обвинению в шпионаже и антисоветской деятельности.

Соедините сокращения со словами, из которых они состоят:

1) Конармия	a) Коммунистический интернационал
2) Начдив	b) Командир дивизии
3) Коминтерн	c) Революционный комитет
4) Комдив	d) Начальник дивизии
5) Ревком	e) Конная армия

Догадитесь, о каком народе идёт речь, опираясь на факты из рассказа:

1) _____ Живут на окраине, в белых домиках за зелёными ставнями. Занимаются кожевенным делом. Пьют пиво или мед, разводят табак в палисадниках и курят его из длинных гнутых трубок.

2) _____ Живут в просторных домах, вымазанных белой или водянисто-голубой краской. За домом тянется сарай в два, иногда в три этажа. Контрабандисты, лучшие на границе, и почти всегда вонтели за веру.

3) _____ Колонисты.

4) _____ Воюют против Красной Армии. До прихода Конармии владели городом, их знатные люди и помещики обозначаются словом «пан». С Берестечко связаны торговлей товарами фабричного производства.

СЛАЙД «ПЛАКАТЫ И КАРТА СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЙ ВОЙНЫ»

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКАЯ ВОЙНА 1920 ГОД

СЛАЙД «ВИЗУАЛИЗАЦИЯ НЕЗНАКОМОЙ ЛЕКСИКИ»

Бу́рка — Безрукавная одежда из войлока (шерсти), распространённая на Кавказе.

Башлы́к — Тёплый головной убор, надеваемый чаще поверх шапки.

Са́бля — Клинковое холодное оружие с изогнутым лезвием.

Банду́ра — Украинский народный многострунный щипковый музыкальный инструмент.

Шта́ндарт — Вид флага.

Шпо́ры — Железное приспособление всадника, прикрепляемое к пятке сапога.

1

2

3

4

5

6

